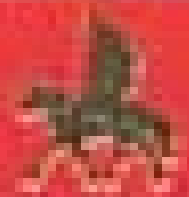

Республика

МОРДОВСКАЯ
РЕСПУБЛИКА

Содержание

Республика

Татарстан

Сочинения

- [Рассуждения](#)
 - [Книга первая](#)
 - [Вступление](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XXV](#)
 - [Глава XXVI](#)
 - [Глава XXVII](#)
 - [Глава XXXIV](#)
 - [Глава XXXVII](#)
 - [Глава LV](#)
 - [Глава LVII](#)
 - [Глава LVIII](#)
 - [Книга вторая](#)
 - [Вступление](#)
 - [Глава II](#)
- [notes](#)
 -
 -
 -

Рассуждения о первой декаде Тита Ливия

Книга первая

Вступление

Хотя по причине завистливой природы человеческой открытие новых политических обычаев и порядков всегда было не менее опасно, чем поиски неведомых земель и морей, ибо люди склонны скорее хулить, нежели хвалить поступки других, я, тем не менее, побуждаемый естественным и всегда мне присущим стремлением делать, невзирая на последствия, то, что, по моему убеждению, способствует общему благу, твердо решил идти непроторенной дорогой, каковая, доставя мне доуки и трудности, принесет мне также и награду от тех, кто благосклонно следил за этими моими трудами. И если из-за скудости ума, недостаточной искушенности в событиях нынешних и слабого знания событий древних попытка моя окажется безуспешной и не слишком полезной, она все-таки откроет путь кому-нибудь другому, кто, обладая большею силою духа, большим разумом и рассудком, доведет до конца этот мой замысел; поэтому если я и не удостоюсь за труд мой похвал, то и подвергнуться за него порицанию не должен.

Когда я вспоминаю о том, какие почести воздаются древности и сколь часто, — оставляя сейчас в стороне многие другие примеры, — обломок какой-нибудь античной статуи покупается за огромные деньги, чтобы держать его подле себя, украшать им свой дом и выставлять его в качестве образца для подражания всем тем, кто занимается таким же искусством, и как эти последние затем изо всех сил стараются воспроизвести его во всех своих произведениях; и когда я, с другой стороны, вижу, что доблестнейшие деяния, о которых нам повествует история, совершенные в древних царствах и республиках царями, полководцами, гражданами, законодателями и другими людьми, трудившимися на благо отчизны, в наши дни вызывают скорее восхищение, чем подражание, более того, что всякий их до того сторонится, что от прославленной древней доблести не осталось у нас и следа, — я не могу всему этому не изумляться и вместе с тем не печалиться. Мое изумление и печаль только еще больше возрастают оттого, что я вижу, как при несогласиях, возникающих у людей в

гражданской жизни, или при постигающих их болезнях они постоянно обращаются к тем самым решениям и средствам, которые выносились и предписывались древними. Ведь наши гражданские законы являются не чем иным, как судебными решениями, вынесенными древними юристами. Будучи упорядоченными, решения эти служат теперь руководством для наших юристов в их судебной практике. Точно так же и медицина является не чем иным, как опытом древних врачей, на котором основываются нынешние врачи, прописывая свои лекарства. Однако, как только дело доходит до учреждения республик, сохранения государств, управления королевствами, создания армии, ведения войны, осуществления правосудия по отношению к подданным, укрепления власти, то никогда не находится ни государя, ни республики, которые обратились бы к примеру древних. Я убежден, что происходит это не столько от слабости, до которой довела мир нынешняя религия, или же от того зла, которое причинила многим христианским городам и странам тщеславная праздность, сколько от недостатка подлинного понимания истории, помогающего при чтении сочинений историков получать удовольствие и вместе с тем извлекать из них тот смысл, который они в себе содержат. Именно от этого происходит то, что весьма многие читающие исторические сочинения с интересом воспринимают разнообразие описываемых в них происшествий, но нимало не помышляют о подражании им, полагая таковое подражание делом не только трудным, но вовсе невозможным, словно бы небо, солнце, стихии, люди изменили со времен античности свое движение, порядок и силу. Поэтому, желая избавить людей от подобного заблуждения, я счел необходимым написать о всех тех книгах Тита Ливия, которые не разорвала злокозненность времени, все то, что покажется мне необходимым для наилучшего понимания древних и современных событий, дабы те, кто прочтут сии мои разъяснения, смогли бы извлечь из них ту самую пользу, ради которой должно стремиться к познанию истории. Дело это, конечно, не легкое; тем не менее с помощью тех, кто побудил меня взять его на себя, я надеюсь продвинуться в нем так далеко, что преемнику моему останется уже немного дойти до положенной цели.

Глава II

Сколько родов бывают республики и какова была республика римская

Я хочу не касаться в своих рассуждениях тех городов, которые с самого начала не были независимыми, и стану говорить лишь о таких, которые у истоков своих были далеки от рабского подчинения иноземцам и которые сразу же управлялись своей волей либо как республики, либо как самодержавные княжества. Такого рода города имели различные основы, разные законы и строй. Некоторые из них еще при своем основании или же вскоре после него получали законы от одного человека, и притом сразу. Так, от Ликурга получили законы спартанцы. Другие, как Рим, получали их от случая к случаю, постепенно, в зависимости от обстоятельств. Подлинно счастливой можно назвать ту республику, где появляется человек столь мудрый, что даваемые им законы обладают такой упорядоченностью, что, подчиняясь им, республика может, не испытывая необходимости в их изменении, жить спокойно и безопасно. Известно, что Спарта свыше восьмисот лет соблюдала свои законы, не извращая их и не переживая гибельных смут. Несколько менее счастлив город, который, не обретя умного и проницательного устроителя, вынужден устраиваться сам собой. И уже совсем несчастен город, который еще дальше ушел от прочного строя, а дальше всего отстоит от него тот город, который во всех своих порядках совершенно сбился с правильного пути, способного привести его к истинной цели и совершенству. Почти невероятно, чтобы подобный город могли бы выправить какие-нибудь обстоятельства. Те же города, которые — пусть даже они и не обладают совершенным политическим строем — имеют добрую основу, способную к улучшениям, могут при благоприятном стечении обстоятельств достичь совершенства. Правда, однако, переустройства всегда связаны с опасностью, ибо значительная часть людей никогда не соглашается на новый закон, устанавливающий в городе новый порядок, если только необходимость не докажет им, что без этого не обойтись. А так как такая необходимость никогда не возникает без

опасности, то может легко случиться, что республика падет еще до того, как будет приведена к совершенному строю. Это превосходно доказывает пример республики во Флоренции, которую во втором году события под Ареццо вновь восстановили, а в двенадцатом события в Прато вынудили опять распасться.

Итак, желая рассмотреть, каков был политический строй города Рима и какие события привели его к совершенству, я отмечу, что некоторые авторы, писавшие о республиках, утверждали, будто существует три вида государственного устройства, именуемые ими: Самодержавие, Аристократия и Народное правление, и что устанавливающие новый строй в городе должны обращаться к тому из этих трех видов, который покажется им более подходящим. Другие же авторы, и, по мнению многих, более мудрые, считают, что имеется шесть форм правления — три очень скверных и три сами по себе хороших, но легко искажаемых и становящихся вследствие этого пагубными. Хорошие формы правления — суть три вышеназванных; дурные же — три остальных, от трех первых зависящие и настолько с ними родственные, что они легко переходят друг в друга: Самодержавие легко становится тираническим, Аристократии с легкостью делаются олигархиями, Народное правление без труда обращается в разнузданность. Таким образом, если учредитель республики учреждает в городе одну из трех перечисленных форм правления, он учреждает ее ненадолго, ибо нет средства помешать ей скатиться в собственную противоположность, поскольку схожесть между пороком и добродетелью в данном случае слишком невелика.

Эти различные виды правления возникли у людей случайно. Вначале, когда обитателей на земле было немного, люди какое-то время жили разобщенно, наподобие диких зверей. Затем, когда род человеческий размножился, люди начали объединяться и, чтобы лучше оберечь себя, стали выбирать из своей среды самых сильных и храбрых, делать их своими вожаками и подчиняться им. Из этого родилось понимание хорошего и доброго в отличие от дурного и злого. Вид человека, вредящего своему благодетелю, вызывал у людей гнев и сострадание. Они ругали неблагодарных и хвалили тех, кто оказывался благодарным. Потом, сообразив, что сами могут подвергнуться таким

же обидам, и дабы избежать подобного зла, они пришли к созданию законов и установлению наказаний для их нарушителей. Так возникло понимание справедливости. Вследствие этого, выбирая теперь государя, люди отдавали предпочтение уже не самому отважному, а наиболее рассудительному и справедливому. Но так как со временем государственная власть из выборной превратилась в наследственную, то новые, наследственные государи изрядно выродились по сравнению с прежними. Не помышляя о доблестных деяниях, они заботились только о том, как бы им превзойти всех остальных в роскоши, сладострастии и всякого рода разврате. Поэтому государь становился ненавистным; всеобщая ненависть вызывала в нем страх; страх же толкал его на насилия, и все это вскоре порождало тиранию. Этим клалось начало крушению единовластия: возникали тайные общества и заговоры против государей. Устраивали их люди не робкие и слабые, но те, кто возвышались над прочими своим благородством, великодушием, богатством и знатностью и не могли сносить гнусной жизни государя. Массы, повинувшись авторитету сих могущественных граждан, ополчались на государя и, уничтожив его, подчинялись им, как своим освободителям. Последние, ненавидя имя самодержца, создавали из самих себя правительство. Поначалу, памятуя о прошлой тирании, они правили в соответствии с установленными ими законами, жертвуя личными интересами ради общего блага и со вниманием относясь как к частным, так и к общественным делам. Однако через некоторое время управление переходило к их сыновьям, которые, не познав превратностей судьбы, не испытав зла и не желая довольствоваться гражданским равенством, становились алчными, честолюбивыми, охотниками до чужих жен, превращая таким образом правление Оптиматов в правление немногих, совершенно не считающееся с нормами общественной жизни. Поэтому сыновей Оптиматов вскоре постигла судьба тирана. Раздраженные их правлением, народные массы с готовностью шли за всяким, кто только не пожелал бы выступить против подобных правителей; такой человек немедленно находился и уничтожал их с помощью масс. Однако память о государе и творимых им бесчинствах была еще слишком свежа; поэтому, уничтожив власть немногих и не желая восстанавливать единовластие государя, люди обращались к народному правлению и устраивали его так, чтобы ни отдельные

могущественные граждане, ни государи не могли бы иметь в нем никакого влияния. Так как любой государственный строй на первых порах внушает к себе некоторое почтение, то народное правление какое-то время сохранялось, правда, недолго — пока не умирало создавшее его поколение, ибо сразу же вслед за этим в городе воцарялась разнузданность, при которой никто уже не боялся ни частных лиц, ни общественных; всякий жил как хотел, и каждодневно учинялось множество всяких несправедливостей. Тогда, вынуждаемые к тому необходимостью, или по наущению какого-нибудь доброго человека, или же из желания покончить с разнузданностью, люди опять возвращались к самодержавию, а затем мало-помалу снова доходили до разнузданности — тем же путем и по тем же причинам.

Таков круг, вращаясь в котором, республики управлялись и управляются. И если они редко возвращаются к исходным формам правления, то единственно потому, что почти ни у одной республики не хватает сил пройти через все вышесказанные изменения и устоять. Чаще всего случается, что в пору мучительных перемен, когда республика всегда бывает ослаблена и лишена мудрого совета, она становится добычей какого-нибудь соседнего государства, обладающего лучшим политическим строем. Но если бы этого не происходило, республика могла бы бесконечно вращаться в смене одних и тех же форм правления.

Итак, я утверждаю, что все названные формы губительны: три хороших по причине их кратковременности, а три дурных — из-за их злокачественности. Поэтому, зная об этом их недостатке, мудрые законодатели избегали каждой из них в отдельности и избирали такую, в которой они оказывались бы перемешанными, считая подобную форму правления более прочной и устойчивой, ибо, сосуществуя одновременно в одном и том же городе, Самодержавие, Оптиматы и Народное правление оглядываются друг на друга.

Из создателей такого рода конституций более всех достоин славы Ликург. Давая Спарте законы, он отвел соответствующую роль Царям, Аристократам и Народу и создал государственный строй, просуществовавший свыше восьмисот лет и принесший этому городу

великую славу и благоденствие. Совсем иное случилось с Солоном, давшим законы Афинам. Установив там одно лишь Народное правление, он дал ему столь краткую жизнь, что еще до своей смерти успел увидеть в Афинах тиранию Писистрата. И хотя через сорок лет наследники Писистрата были изгнаны и в Афинах возродилась свобода, ибо там было восстановлено Народное правление в соответствии с законами Солона, правление это просуществовало не дольше ста лет, несмотря на то что для поддержания его принимались различные, не предусмотренные самим Солоном постановления, направленные на обуздание наглости дворян и всеобщей разнузданности. Как бы то ни было, так как Солон не соединил Народное правление с сильными сторонами Самодержавия и Аристократии, Афины, по сравнению со Спартой, прожили очень недолгую жизнь.

Обратимся, однако, к Риму. Несмотря на то что в Риме не было своего Ликурга, который бы с самого начала устроил его так, чтобы он мог долгое время жить свободным, в нем создано множество благоприятных обстоятельств, возникших благодаря разногласиям между Плебсом и Сенатом, и то, чего не совершил законодатель, сделал случай. Поэтому если Риму не повезло вначале, то ему повезло потом. Первые учреждения его были плохи, но не настолько, чтобы свернуть его с правильного пути, могущего привести к совершенству. Ромул и другие цари создали много хороших законов, отвечающих, между прочим, и требованиям свободы, но так как целью их было основание царства, а не республики, то, когда Рим стал свободным, оказалось, что в нем недостает многого, что надо было бы учредить ради свободы и о чем цари не позаботились.

После того как римские цари лишились власти вследствие обсуждавшихся нами причин и рассмотренным выше образом, изгнавшие их сразу же учредили должность двух Консулов, занявших место Царя, так что из Рима была изгнана не сама царская власть, а лишь ее имя. Таким образом, поскольку в римской республике имелись Консулы и Сенат, она представляла собой соединение двух из трех вышеописанных начал, а именно Самодержавия и Аристократии. Оставалось только дать место Народному правлению. Поэтому, когда

римская знать по причинам, о которых будет говорено дальше, совсем обнаглела, против нее восстал Народ, и, чтобы не потерять всего, ей пришлось поступиться и предоставить Народу его долю в управлении государством. С другой стороны, у Консулов и Сената сохранилось достаточно власти, чтобы они могли удерживать в республике свое прежнее положение. Так возник институт плебейских Трибунов. После его возникновения состояние римской республики упрочилось, ибо в ней получили место все три правительственных начала. Судьба была столь благосклонна к Риму, что, хотя он переходил от правления Царей и Оптиматов к правлению Народу, проходя через вышеописанные ступени и повинуюсь аналогичным причинам, тем не менее царская власть в нем никогда не была полностью уничтожена для передачи ее Оптиматам, а власть Оптиматов не была уменьшена для передачи ее Народу. Смешавшись друг с другом, они сделали республику совершенной. К такому совершенству Рим пришел благодаря раздорам между Плебсом и Сенатом, как это будет подробно показано в двух следующих главах.

Глава III

Какие обстоятельства привели к созданию в Риме плебейских трибунов, каковое сделало республику более совершенной

Как доказывают все, рассуждающие об общественной жизни, и как то подтверждается множеством примеров из истории, учредителю республики и создателю ее законов необходимо заведомо считать всех людей злыми и предполагать, что они всегда проявят злобность своей души, едва лишь им представится к тому удобный случай. Если же чья-нибудь злобность некоторое время не обнаруживается, то происходит это вследствие каких-то неясных причин, пониманию которых мешает отсутствие опыта; однако ее все равно обнаружит время, называемое отцом всякой истины.

Казалось, что после изгнания Тарквиниев в Риме установилось величайшее согласие между Плебсом и Сенатом; что Знать отказалась от своего высокомерия и настолько прониклась народным духом, что стала выносимой даже для человека из самых низов. Это ее лицемерие не было обнаружено и причины его не были ясны, пока были живы Тарквинии. Боясь их и опасаясь, как бы притесняемый Плебс не примкнул к ним, Знать обращалась с плебеями по-человечески; но едва лишь Тарквинии умерли и у Знати исчез страх перед ними, как она стала извергать на Плебс яд, скопившийся у нее в груди, и угнетать его всеми возможными способами. Это подтверждает сказанное мной выше: люди поступают хорошо лишь по необходимости; когда же у них имеется большая свобода выбора и появляется возможность вести себя как им заблагорассудится, то сразу же возникают величайшие смуты и беспорядки. Вот почему говорят, что голод и нужда делают людей изобретательными, а законы — добрыми. Там, где что-либо совершается хорошо само собой, без закона, в законе нет надобности; но когда добрый обычай исчезает, закон сразу же делается необходимым. Поэтому, когда умерли Тарквинии, страх перед

которыми обуздывал Знать, пришлось подумать о каком-нибудь новом порядке, который оказывал бы такое же действие, что и Тарквинии, пока они были живы. Поэтому после многих смут, волнений и рискованных столкновений между Плебсом и Знатью для безопасности Плебса были учреждены Трибуны. Им были предоставлены большие полномочия, и они пользовались таким уважением, что могли всегда играть роль посредников между Плебсом и Сенатом и противостоять наглости Знати.

Глава IV

О том, что раздоры между плебсом и сенатом сделали Римскую республику свободной и могущественной

Я не хочу оставить без рассмотрения смуты, происходившие в Риме после смерти Тарквиниев и до учреждения Трибунов, и намерен кое-что возразить тем, кто утверждает, будто Рим был республикой настолько подверженной смутам и до того беспорядочной, что, не исправь судьба и военная доблесть его недостатков, он оказался бы ничтожнее всякого другого государства. Я не могу отрицать того, что счастливая судьба и армия были причинами римского владычества; но в данном случае мне представляется неизбежным само возникновение названных причин, ибо хорошая армия имеется там, где существует хороший политический строй, и хорошей армии редко не сопутствует счастье.

Но перейдем к другим примечательным особенностям этого города. Я утверждаю, что осуждающие столкновения между Знатью и Плебсом порицают, по-моему, то самое, что было главной причиной сохранения в Риме свободы; что они обращают больше внимания на ропот и крики, порождавшиеся такими столкновениями, чем на вытекавшие из них благие последствия; и что, наконец, они не учитывают того, что в каждой республике имеются два различных умонастроения — народное и дворянское, и что все законы, принимавшиеся во имя свободы, порождались разногласиями между народом и грандами. В этом легко убедиться на примере истории Рима. От Тарквиниев до Гракхов — а их разделяет более трехсот лет — смуты в Риме очень редко приводили к изгнаниям и еще реже — к кровопролитию. Никак нельзя называть подобные смуты губительными. Никак нельзя утверждать, что в республике, которая при всех возникавших в ней раздорах за такой долгий срок отправила в изгнание не более восьми — десяти граждан, почти никого не казнила

и очень немногих приговорила к денежному штрафу, отсутствовало внутреннее единство. И уж вовсе безосновательно объявлять неупорядоченной республику, давшую столько примеров доблести, ибо добрые примеры порождаются хорошим воспитанием, хорошее воспитание — хорошими законами, а хорошие законы — теми самыми смутами, которые многими необдуманно осуждаются. В самом деле, всякий, кто тщательно исследует исход римских смут, обнаружит, что из них проистекали не изгнания или насилия, наносящие урон общему благу, а законы и постановления, укрепляющие общественную свободу.

Возможно, кто-нибудь мне возразит: «Что за странные, чуть ли не зверские нравы: народ скопом орет на Сенат, Сенат — на народ, граждане суматошно бегают по улицам, запирают лавки, все плебеи разом покидают Рим — обо всем этом страшно даже читать». На это я отвечу: всякий город должен обладать обычаями, предоставляющими народу возможность давать выход его честолюбивым стремлениям, а особенно такой город, где во всех важных делах приходится считаться с народом. Для Рима было обычным, что когда народ хотел добиться нужного ему закона, он либо прибегал к какому-нибудь из вышеназванных действий, либо отказывался идти на войну, и тогда, чтобы успокоить его, приходилось в какой-то мере удовлетворять его желание. Но стремления свободного народа редко бывают губительными для свободы, ибо они порождаются либо притеснениями, либо опасениями народа, что его хотят притеснить. Если опасения эти необоснованны, надежным средством против них является сходка, на которой какой-нибудь уважаемый человек произносит речь и доказывает в ней народу, что тот заблуждается. Несмотря на то, что народ, по словам Туллия, невежествен, он способен воспринять истину и легко уступает, когда человек, заслуживающий доверия, говорит ему правду.

Итак, следует более осмотрительно порицать римскую форму правления и помнить о том, что многие хорошие следствия, имевшие место в римской республике, должны были быть обусловлены превосходными причинами. И раз смуты были причиной учреждения Трибунов, они заслуживают высшей похвалы. Учреждение Трибунов

не только предоставило народу его долю в управлении государством, но и имело своей целью защиту свободы, как то будет показано в следующей главе.

Глава V

Кто лучше охраняет свободы — народ или дворяне, и у кого больше причин для возбуждения смут — у тех, кто хочет приобрести, или же у тех, кто хочет сохранить приобретенное

Те, кто мудро создавали республику, одним из самых необходимых дел почитали организацию охраны свободы. В зависимости от того, кому она вверялась, дольше или меньше сохранялась свободная жизнь. А так как в каждой республике имеются люди знатные и народ, то возникает вопрос, кому лучше поручить названную охрану. У лакедемонян, а во времена более к нам близкие — у венецианцев, охрана свободы была отдана в руки Нобилей; но У римлян она была поручена Плебсу.

Необходимо поэтому рассмотреть, какая из этих республик сделала лучший выбор. Если вникать в причины, то можно будет много сказать в пользу каждой из них. Если же взглянуть на результаты, то придется, наверное, отдать предпочтение Нобилиям, ибо свобода в Спарте и Венеции просуществовала дольше, чем в Риме.

Обращаясь к рассмотрению причин, я скажу, имея в виду сперва римлян, что охрану какой-нибудь вещи надлежит поручать тому, кто бы менее жаждал завладеть ей. А если мы посмотрим на цели людей благородных и людей худородных, то, несомненно, обнаружим, что благородные из всех сил стремятся к господству, а худородные желают лишь не быть поработченными и, следовательно, гораздо больше, чем гранды, любят свободную жизнь, имея меньше надежд, чем они, узурпировать общественную свободу. Поэтому естественно, что когда охрана свободы вверена народу, он печется о ней больше и,

не имея возможности сам узурпировать свободу, не позволяет этого и другим.

Но с другой стороны, защитники спартанского и венецианского строя говорят, что при вручении охраны свободы людям могущественным и знатным сразу достигаются две важные цели: во-первых, благодаря этому знать удовлетворяет свое честолюбие и, занимая господствующее положение в республике, держа в своих руках дубину власти, имеет все основания чувствовать себя вполне довольной; а во-вторых, этим сильно ослабляется мятежный дух черни, являющийся причиной бесконечных раздоров и беспорядков в республике и способный довести Знать до такого отчаяния, которое со временем принесет дурные плоды. В качестве примера они ссылаются на тот же Рим, где после установления должности плебейских Трибунов чернь, получив в свои руки власть, не довольствовалась одним плебейским Консулом, но пожелала, чтобы оба Консула были плебейскими. Потом она потребовала себе Цензуру, Претуру и все другие высшие правительственные должности в государстве. Но и это ее не удовлетворило; поэтому, увлекаемая все тем же неистовством, она начала обожать людей, которых считала способными сокрушить знать. Это породило могущество Мария и погубило Рим.

Поистине, тому, кто должным образом взвесит одну и другую возможность, не легко будет решить, кому следует поручить охрану свободы, не уяснив предварительно, какая из человеческих склонностей пагубнее для республики — та ли, что побуждает сохранять приобретенные почести, или же та, что толкает на их приобретение.

Всякий, кто тщательно исследует этот вопрос со всех сторон, придет в конце концов к следующему выводу: ты рассуждаешь либо о республике, желающей создать империю, подобную Риму, либо о той, которой достаточно просто уцелеть. В первом случае надо делать все, как делалось в Риме; во втором — можно подражать Венеции и Спарте по причинам, о которых будет сказано в следующей главе.

Но, возвращаясь к рассмотрению того, какие люди опаснее для республики — те ли, что жаждут приобретать, или же те, кто боится

утратить приобретенное, — укажу, что когда для раскрытия заговора, возникшего в Капуе против Рима, Марк Менений был сделан диктатором, а Марк Фульвий — начальником конницы (оба были плебеями), они получили от народа также и полномочия установить, кто в самом Риме с помощью подкупа и вообще незаконными путями затевает получить консульство и другие должности. Знать сочла, что таковые полномочия, данные диктатору, были направлены против нее, и распустила по Риму слухи, будто почетных должностей подкупом и незаконным способом ищут не знатные люди, а худородные, которые, не имея возможности полагаться на происхождение и собственные доблести, пытаются достичь высокого положения незаконным путем. Особенно в этом обвиняли самого диктатора. Обвинения эти были настолько серьезны, что Менений, созвав сходку и жалуясь на клевету, возведенную на него знатью, сложил с себя диктатуру и отдался на суд народа. Дело его разбиралось, и он был оправдан. На суде много спорили о том, кто честлюбивее — тот ли, кто хочет сохранить приобретенную власть, или же тот, кто стремится к ее приобретению, ибо и то и другое желание легко может стать причиной величайших смут. Чаще всего, однако, таковые смуты вызываются людьми имущими, потому страх потерять богатство порождает у них те же страсти, которые свойственны неимущим, ибо никто не считает, что он надежно владеет тем, что у него есть, не приобретая большего. Не говоря уж о том, что более богатые люди имеют большие возможности и средства для учинения пагубных перемен.

Кроме того, нередко случается, что их наглость и заносчивое поведение зажигает в сердцах людей неимущих желание обладать властью либо для того, чтобы отомстить обидчикам, разорив их, либо для того, чтобы самим получить богатство и почести, которыми те злоупотребляют.

Глава VI

Возможно ли было установить в Риме такой строй, который уничтожил бы вражду между народом и сенатом

Выше мы рассуждали о последствиях, которые имели раздоры между Народом и Сенатом. Однако, проследив их до времени Гракхов, когда они сделались причиной крушения свободной жизни, вероятно, найдется кто-нибудь, кто пожелает, чтобы Рим достиг великих результатов без того, чтобы в нем существовала вышеназванная вражда. Поэтому мне кажется делом, достойным внимания, посмотреть, можно ли было установить в Риме такой строй, который уничтожил бы упомянутые раздоры. А желая исследовать это, необходимо обратиться к тем республикам, которые долгое время просуществовали свободными без подобной вражды и смут, и посмотреть, каков был у них строй и можно ли было ввести его в Риме. В качестве примера у древних возьмем Спарту, а у наших современников Венецию — государства, о которых я уже говорил.

В Спарте был царь и небольшой Сенат, который ею управлял. Венеция же не имеет различных наименований для членов правительства; все, кто могут принимать участие в управлении, называются там одним общим именем — Дворяне. Такой обычай возник в Венеции больше благодаря случаю, нежели мудрости ее законодателей. Дело обстояло вот как: на небольших клочках суши, где расположен теперь город, в силу причин, о которых уже говорилось, скопилось много людей. Когда число их возросло настолько, что для продолжения совместной жизни им потребовались законы, они установили определенную форму правления; часто собираясь вместе на советы, на которых решались вопросы, касающиеся города, они в конце концов постановили, что их вполне достаточно для нормальной политической жизни, и закрыли возможность для участия в правлении всем тем, кто поселился бы там позднее. А так как со временем в

Венеции оказалось довольно много жителей, не имеющих доступа к правлению, то, дабы почтить тех, кто правил, их стали именовать Дворянами, всех же прочих — Пополанами.

Подобный порядок смог возникнуть и сохраниться без смут, потому что, когда он родился, любой из тогдашних обитателей Венеции входил в правительство, так что жаловаться было некому; те же, кто поселился в ней позднее, найдя государство прочным и окончательно сложившимся, не имели ни причин, ни возможностей для смут. Причин у них не было потому, что никто их ничего не лишил; возможностей же у них не было оттого, что правители держали их прочно в узде и не использовали там, где они могли бы приобрести авторитет. Кроме того, тех, кто поселился в Венеции позднее, не было слишком много, так что не существовало диспропорции между теми, кто правил, и теми, кем управляли: число Дворян либо равнялось числу Пополанов, либо превосходило его. Вот причины того, почему Венеция смогла учредить у себя такой строй и сохранить его в целостности.

Спарта, как я уже говорил, управлялась Царем и небольшим Сенатом. Она смогла просуществовать столь долгое время, потому что в Спарте было мало жителей и потому что в нее был закрыт доступ для чужестранцев, желавших там поселиться, а также потому, что, почитая законы Ликурга (их соблюдение уничтожало все причины для смут), спартанцы смогли долго сохранять внутреннее единство. Ликург своими законами установил в Спарте имущественное равенство и неравенство общественных положений; там все были равно бедны; плебеи не обладали там честолюбием, ибо высокие общественные должности в городе распространялись на немногих граждан и Плебс не подпускался к ним даже близко; аристократы же своим дурным обращением никогда не вызывали у плебеев желания завладеть этими должностями. Такое положение было создано спартанскими Царями, которые, обладая самодержавной властью и будучи окруженными со всех сторон Знатью, не имели более верного средства для поддержания своего достоинства, нежели предоставление Плебсу защиты от всякого рода обид. Благодаря этому Плебс не испытывал страха и не стремился к государственной власти; а так как у него не было государственной

власти и он не испытывал страха, то тем самым не возникло соперничества между ним и Знатью, отпала причина для смут, и Плебс и Знать могли долгое время сохранять единство. Два важных обстоятельства обуславливали это единство: во-первых, в Спарте было мало жителей, и поэтому они могли управляться немногими; во-вторых, не допуская в свою республику иноземцев, спартанцы не имели случая ни развратиться, ни до такой степени увеличиться численно, чтобы для них стало невыносимым управляющее ими меньшинство.

Таким образом, приняв все это во внимание, ясно, что законодателям Рима, дабы в Риме установилось такое же спокойствие, как в вышеназванных республиках, необходимо было сделать одно из двух: либо, подобно венецианцам, не использовать плебеев на войне, либо, подобно спартанцам, не допускать к себе чужеземцев. Вместо этого они делали и то и другое, что придало Плебсу силу, увеличило его численно и предоставило ему множество поводов для учинения смут. Однако если бы римское государство было более спокойным, это повлекло бы за собой следующее неудобство: оно оказалось бы также более слабым, ибо отрезало бы себе путь к тому величию, которого оно достигло. Таким образом, пожелай Рим уничтожить причины смут, он уничтожил бы и причины, расширившие его границы.

Если взглядеться получше, то увидишь, что так бывает во всех делах человеческих: никогда невозможно избавиться от одного неудобства, чтобы вместо него не возникло другое. Поэтому, если ты хочешь сделать народ настолько многочисленным и хорошо вооруженным, чтобы создать великую державу, тебе придется наделить его такими качествами, что ты потом уже не сможешь управлять им по своему усмотрению. Если же ты сохранишь народ малочисленным или безоружным, дабы иметь возможность делать с ним все, что угодно, то когда ты придешь к власти, ты либо не сможешь удержать ее, либо народ твой станет настолько труслив, что ты сделаешься жертвой первого же, кто на тебя нападет. При каждом решении надо смотреть, какой выбор представляет меньше неудобств, и именно его считать наилучшим, ибо никогда не бывает так, чтобы все шло без сучка без задоринки.

Рим, таким образом, мог по образу Спарты установить у себя пожизненную власть государя и учредить небольшой Сенат, но, желая создать великую державу, он не мог, подобно Спарте, не увеличивать число своих граждан; по этой причине пожизненный Царь и малочисленный Сенат мало способствовали бы его единству.

Вот почему, если кто пожелает заново учредить республику, ему надо будет прежде всего поразмыслить над тем, желает ли он, чтобы она расширила, подобно Риму, свои границы и могущество или же чтобы она осталась в узких пределах. В первом случае необходимо устроить ее, как Рим, и дать самый широкий простор для смут и общественных несогласий, ибо без большого числа и притом хорошо вооруженных граждан республика никогда не сможет вырасти или, если она вырастет, сохраниться. Во втором случае ее можно устроить наподобие Спарты и Венеции; но так как территориальное расширение — яд для подобных республик, надо, чтобы ее учредитель всеми возможными средствами запретил ей завоевания, ибо завоевания, опирающиеся на слабую республику, приводят к ее крушению. Так было со Спартой и с Венецией. Первая из них, подчинив себе почти всю Грецию, обнаружила при ничтожной неудаче непрочность своих основ: восстания в греческих городах, последовавшие за восстанием в Фивах, поднятым Пелонидом, полностью сокрушили эту республику. То же самое случилось и с Венецией: захватив значительную часть Италии — в большинстве случаев не посредством войн, а благодаря деньгам и хитрости, — она, как только ей пришлось доказать свою силу, в один день утратила все.

Я готов поверить, что можно создать долговечную республику, придав ей такой же внутренний строй, какой был в Спарте или в Венеции; чтобы помещалась она в укрепленном месте и обладала такой силой, что никто не считал бы возможным тут же ее уничтожить; а с другой стороны, чтобы она не была настолько могущественна, дабы внушать страх своим соседям. В этом случае она могла бы долго наслаждаться своим строем. Ведь война против того или иного государства ведется по двум причинам: во-первых, для того чтобы стать его господином, во-вторых, из боязни, как бы оно на тебя не

напало. Обе эти причины почти полностью устраняются вышесказанным способом. Если республику, хорошо подготовленную к обороне, трудно будет одолеть, то, как я полагаю, вряд ли случится, чтобы кто-нибудь задумал ее завоевывать. В то же время, если она не будет выходить из своих пределов и опыт докажет, что она лишена честолюбия, никто из страха за себя не начнет против нее войну, особенно если конституция или специальный закон будут запрещать ей захват чужих территорий.

Я твердо верю, что, имеясь возможность сохранить состояние подобного равновесия, в городе установилась бы истинная политическая жизнь и полное спокойствие. Однако поскольку все дела человеческие находятся в движении, то, не будучи в состоянии оставаться на месте, они идут либо вверх, либо вниз, и необходимость вынуждает тебя к тому, что отвергает твой разум. Так что, когда республику, не приспособленную к территориальным расширениям, необходимость заставляет расширяться, она теряет свои основы и гибнет еще быстрее. Но, с другой стороны, если бы Небо оказалось к ней столь благосклонным, что ей не пришлось бы вести войну, праздность сделала бы ее либо изнеженной, либо раздробленной. То и другое вместе или порознь стало бы причиной ее падения. Потому, так как невозможно, по-моему, ни добиться названного равновесия, ни избрать средний путь, надо при учреждении республики думать о более почетной для нее роли и устраивать республику так, чтобы, когда необходимость вынудит ее к территориальным расширениям, она сумела бы сохранить свои завоевания. Возвращаясь к началу своих рассуждений, скажу, что считаю нужным следовать римскому строю, а не строю всех прочих республик, ибо не думаю, что можно отыскать промежуточную форму правления, и полагаю, что следует примириться с враждой, возникающей между Народом и Сенатом, приняв ее как неизбежное неудобство для достижения римского величия. Помимо всех прочих доводов, которыми доказывается необходимость трибунской власти для охраны свободы, нетрудно заметить благотворность для республики правомочия обвинять, которым, наряду с другими правами, были наделены Трибуны.

Глава IX

О том, что необходимо быть одному, если желаешь заново основать республику или же преобразовать ее, полностью искоренив в ней старые порядки

Возможно, кому-нибудь покажется, что я слишком углубился в римскую историю, не сказав, однако, ничего ни об основателях римской республики, ни об ее учреждениях, имеющих касательство к религии и армии. Потому, не желая испытывать дольше терпение тех, кто хотел бы узнать кое-что об этом предмете, скажу: многие почтут, пожалуй, дурным примером тот факт, что основатель гражданского образа жизни, каковым был Ромул, сперва убил своего брата, а затем дал согласие на убийство Тита Тация Сабина, избранного ему в сотоварищи по царству. Полагающие так считают, что подданные подобного государя смогут, опираясь на его авторитет, из честолюбия или жажды власти притеснять тех, кто стал бы восставать против их собственного авторитета. Такое мнение было бы справедливым, если бы не учитывалась цель, подвигнувшая Ромула на убийство.

Следует принять за общее правило следующее: никогда или почти никогда не случалось, чтобы республика или царство с самого начала получали хороший строй или же преобразовывались бы заново, отбрасывая старые порядки, если они не учреждались одним человеком. Напротив, совершенно необходимо, чтобы один-единственный человек создавал облик нового строя и чтобы его разумом порождались все новые учреждения. Вот почему мудрый учредитель республики, всей душой стремящийся не к собственному, но к общему благу, заботящийся не о своих наследниках, но об общей родине, должен всячески стараться завладеть единовластием. И никогда ни один благоразумный человек не упрекнет его, если ради упорядочения царства или создания республики он прибегнет к каким-нибудь чрезвычайным мерам. Ничего не поделаешь: обвинять его

будет содеянное — оправдывать результат; и когда результат, как у Ромула, окажется добрым, он будет всегда оправдан. Ибо порицать надо того, кто жесток для того, чтобы портить, а не того, кто бывает таковым, желая исправлять. Ему надлежит быть очень рассудительным и весьма доблестным, дабы захваченная им власть не была унаследована другим, ибо, поскольку люди склонны скорее ко злу, нежели к добру, легко может случиться, что его наследник станет тщеславно пользоваться тем, чем сам он пользовался доблестно. Кроме того, хотя один человек способен создать определенный порядок, порядок этот окажется недолговечным, если будет опираться на плечи одного-единственного человека. Гораздо лучше, если он будет опираться на заботу многих граждан и если многим гражданам будет вверено его поддержание. Ибо народ не способен создать определенный порядок, не имея возможности познать его благо по причине царящих в народе разногласий, но когда благо сего порядка народом познано, он не согласится с ним расстаться. А что Ромул заслуживает извинения за убийство брата и товарища и что содеянное им было совершено во имя общего блага, а не ради удовлетворения личного тщеславия, доказывает, что сразу же вслед за этим он учредил Сенат, с которым советовался и в зависимости от мнения которого принимал свои решения. Всякий, кто посмотрит как следует, какую власть сохранил за собой Ромул, увидит, что она ограничивалась правом командовать войском, когда объявлялась война, и собирать Сенат. Это выявилось позднее, когда в результате изгнания Тарквиниев Рим стал свободным. Тогда римлянами не было обновлено ни одно из древних учреждений, только вместо одного несменяемого Царя появилось два избираемых ежегодно Консула; это доказывает, что все порядки, существовавшие в Риме прежде, более соответствовали гражданскому и свободному строю, нежели строю абсолютистскому и тираническому.

В подтверждение вышесказанного можно было бы привести множество примеров — Моисея, Ликурга, Солона и других основателей царств и республик, которые, благодаря тому что они присвоили себе власть, смогли издать законы, направленные на общее благо, — но я не стану касаться всех этих примеров, считая их широко известными. Укажу лишь на один из них, не очень знаменитый, но

достойный внимания тех, кому хотелось бы стать хорошим законодателем.

Агид, царь Спарты, хотел снова ввести спартанцев в те пределы, которые установили для них законы Ликурга, ибо полагал, что, выйдя из них, его город в значительной мере утратил свою древнюю доблесть, а вместе с ней также и свою силу и военное могущество; он был сразу же убит спартанскими Эфорами, как человек, якобы стремящийся к установлению тирании. После него царствовал Клеомен; у него возникло то же самое желание под влиянием найденных им сочинений и воспоминаний об Агиде, из которых он узнал, каковы были у того намерения и помыслы. Но Клеомен понял, что не сможет добиться блага родины, не став единовластным правителем. Он считал, что людское честолюбие помешает ему принести пользу многим вопреки желанию немногих, и приказал убить всех Эфоров, а также некоторых других граждан, могущих оказать ему сопротивление, после чего полностью восстановил законы Ликурга. Такое решение могло возродить Спарту и принести Клеомену не меньшую славу, чем та, какой пользовался Ликург, не будь тогда могучей Македония, а остальные греческие государства — слишком слабыми. Ибо после установления в Спарте новых порядков Клеомен подвергся нападению македонян; оказавшись слабее них и не имея к кому обратиться за помощью, он был побежден, а его замысел, справедливый и достойный всяческих похвал, так и остался незавершенным.

Приняв все это во внимание, я прихожу к заключению, что для основания республики надо быть одному. Ромул же за убийство Рема и Тита Тация заслуживает извинения, а не порицания.

Глава X

Сколь достойны всяческих похвал основатели республики или царства, столь же учредители тирании гнусны и презренны

Из всех прославляемых людей более всего прославляемы главы и учредители религий. Почти сразу же за ними следуют основатели республик или царств. Несколько ниже на лестнице славы стоят те, кто, возглавляя войска, раздвинули пределы собственного царства или же своей родины. Потом идут писатели. А так как пишут они о разных вещах, то каждый из писателей бывает знаменит в соответствии с важностью своего предмета. Всем прочим людям, число которых безмерно, воздается та доля похвал, которую приносит им их искусство и сноровка. Наоборот, гнусны и омерзительны искоренители религий, разрушители республик и царств, враги доблести, литературы и всех прочих искусств, приносящих пользу и честь роду человеческому, иными словами — люди нечестивые, насильники, невежды, недотепы, лентяи и трусы.

Нет никого, кто окажется так глуп или же так мудр, так подл или так добродетелен, что, представься ему выбор, он не станет хвалить людей, достойных похвал, и порицать достойных порицания. Тем не менее почти все, обманутые видимостью мнимого блага и ложной славы, вольно или невольно скатываются в число именно тех людей, которые заслуживают скорее порицаний, нежели похвал. Имея возможность заслужить огромный почет созданием республики или царства, они обращаются к тирании и не замечают, какой доброй репутации, какой славы, какой чести, какой безопасности и какого душевного спокойствия, вместе с внутренним удовлетворением, они при этом лишаются, на какое бесславие, позор, опасность, тревоги они себя обрекают.

Невозможно, чтобы люди, как живущие частной жизнью в какой-либо республике, так и те, кто благодаря судьбе и собственной доблести сделались в ней государями, если бы только они читали сочинения историков и извлекали драгоценные уроки из воспоминаний о событиях древности, не пожелали — те, что живут частной жизнью у себя на родине, быть скорее Сципионами, чем Цезарями, те же, кто стал там государями, оказаться скорее Агесилаями, Тимолеонтами, Дионами, нежели Набидами, Фаларисами, Дионисиями, ибо они увидели бы, что последние страшным образом поносятся, а первые превозносятся до небес. Кроме того, они узнали бы, что Ти-молеонт и другие пользовались у себя на родине ничуть не меньшим авторитетом, чем Дионисий и Фаларис, но жили в несравненно большей безопасности.

И пусть никого не обманывает слава Цезаря, как бы сильно ни прославляли его писатели, ибо хваливших Цезаря либо соблазнила его счастливая судьба, либо устрасила продолжительность существования императорской власти, которая, сохраняя его имя, не допускала, чтобы писатели свободно о нем говорили. Однако если кому-нибудь захочется представить, что сказали бы о Цезаре неутесненные писатели, пусть почитает он, что пишут они о Катилине. Цезарь заслужил даже большего порицания; ведь больше надобно порицать того, кто причинил, а не того, кто хотел причинить зло. Пусть почитает он также, какие хвалы воздаются историками Бруту; поскольку могущество Цезаря не позволило им ругать его открыто, они прославляли его врага.

Пусть тот, кто сделался государем в республике, посмотрит, насколько больше похвал воздавалось в Риме, после того как Рим стал Империей, императорам, жившим согласно законам и как добрые государи, по сравнению с теми из них, которые вели прямо противоположный образ жизни. Он увидит, что Тит, Нерва, Траян, Антонин и Марк не нуждались для своей защиты ни в преторианской гвардии, ни во множестве легионов, ибо защитой им служили их собственные нравы, расположение народа и любовь Сената. Он увидит также, что всех западных и восточных армий не хватило для того, чтобы уберечь Калигулу, Нерона, Вителлин и многих других

преступных императоров от врагов, которых порождали их пороки и злодейская жизнь. Если бы история римских императоров была как следует рассмотрена, она могла бы послужить хорошим руководством для какого-нибудь государя и показать ему пути славы и позора, безопасности и вечных опасений за собственную жизнь. Ведь из двадцати шести императоров от Цезаря до Максимилиана шестнадцать были убиты и лишь десять умерли своей смертью. Если в числе убитых оказалось несколько хороших императоров, вроде Гальбы и Пертинакса, то причиной тому было разложение, до которого довели солдат их предшественники. А если среди императоров, умерших естественной смертью, оказался злодей вроде Севера, то объясняется это единственно его величайшим счастьем и доблестью, двумя обстоятельствами, сопутствующими жизни очень немногих людей. Кроме того, прочтя историю римских императоров, государь увидит, как можно образовать хорошую монархию, ибо все императоры, получившие власть по наследству, за исключением Тита, были плохими; те же из них, кто получил власть в силу усыновления, оказались хорошими; пример тому — пять императоров от Нервы до Марка; когда императорская власть стала наследственной, она пришла в упадок.

Так вот, пусть государь взглянет на время от Нервы до Марка и сопоставит его с временем, бывшим до них и после них; а затем пусть выбирает, в какое время он хотел бы родиться и какому времени — положить начало. Во времена, когда у власти стояли добрые мужи, он увидит ничего не страшящегося государя, окруженного ничего не опасавшимися гражданами, жизнь, преисполненную мира и справедливости; он увидит Сенат со всеми его полномочиями, магистратов во всей их славе, богатых граждан, радующихся своему богатству, благородство и доблесть, повсеместно почитаемые; он увидит, что повсюду воцарилось спокойствие и благо; и вместе с тем — что всюду исчезли обиды, разнузданность, разврат и тщеславие; он увидит золотой век, когда всякому человеку предоставлена возможность отстаивать и защищать любое мнение. И, наконец, он увидит торжество мира: государя, почитаемого и прославляемого, народ, преисполненный любви и верности. Если же затем он лучше всмотрится во времена иных императоров, то увидит времена те

ужасными из-за войн, мятежными из-за пороков, жестокими и в дни войны, и в дни мира; он увидит множество государей, гибнущих от меча, неисчислимые гражданские и внешние войны, Италию, удрученную неслыханными несчастьями, города, разрушенные и разграбленные. Он увидит пылающий Рим, Капитолий, разрушенный собственными гражданами, древние храмы оскверненные, поруганные обряды, города, наполненные прелюбодеями; он увидит море, покрытое ссыльными, скалы, залитые кровью. Он увидит, как в Риме совершаются бесчисленные жестокости, как благородство, богатство, прошлые заслуги, а больше всего доблесть вменяются в тягчайшие преступления, караемые смертью. Он увидит, как награждают клеветников, как слуг подкупают доносить на господ, вольноотпущенников — на их хозяев и как те, у кого не нашлось врагов, угнетаются своими друзьями. Вот тогда-то он очень хорошо поймет, чем обязаны Цезарю — Рим, Италия, весь мир.

Нет сомнения в том, что если только государь этот рожден человеком, он с ужасом отворачивается от подражания дурным временам и восплает страстным желанием следовать примеру времен добрых. Поистине государь, ищущий мирской славы, должен желать завладеть городом развращенным — не для того, чтобы его окончательно испортить, как это сделал Цезарь, но дабы, подобно Ромулу, полностью преобразовать его. И воистину, ни небеса не способны дать людям большей возможности для славы, ни люди не могут жаждать большего. И если государь, желавший дать городу хороший строй, но не давший его из боязни потерять самодержавную власть, заслуживает некоторого извинения, то нет никакого оправдания тому государю, который не преобразовал город, имея возможность сохранить единоедержавие. Вообще пусть помнят те, кому небеса предоставляют такую возможность, что перед ними открываются две дороги: одна приведет их к жизни в безопасности и прославит их после смерти, другая — обречет их на непрестанные тревоги и после смерти покроет их вечным позором.

Глава XI

О религии римлян

Случилось так, что первым своим устройтелем Рим имел Ромула и от него, как если бы он был ему сыном, получил жизнь и воспитание. Однако, решив, что порядки, учрежденные Ромулом, не достаточны для столь великой державы, небеса внушили римскому Сенату решение избрать преемником Ромула Нуму Помпилия, дабы он упорядочил все то, что Ромул оставил после себя недоделанным.

Найдя римский народ до крайности диким и желая заставить его подчиняться нормам общественной жизни посредством мирных средств, Нума обратился к религии как к вещи совершенно необходимой для поддержания цивилизованности и так укоренил ее в народе, что потом в течение многих веков не было республики, в которой наблюдалось бы большее благочестие; оно-то и облегчило как римскому Сенату, так и отдельным великим римлянам осуществление всех задумываемых ими предприятий. Всякий, кто рассмотрит бесчисленные действия всего народа Рима в целом, а также отдельных римлян, увидит, что римские граждане гораздо больше страшились нарушить клятву, нежели закон, как те, кто почитают могущество бога превыше могущества людей. Это ясно видно на примере Сципиона и Манлия Торквата.

После разгрома, учиненного римлянам при Каннах Ганнибалом, многие римские граждане собрались вместе и, отчаявшись в спасении родины, решили покинуть Италию и уехать в Сицилию. Прослышав про то, Сципион разыскал их и, обнажив меч, заставил их поклясться не покидать родину.

Луций Манлий, отец Тита Манлия, прозванного впоследствии Торкватом, был как-то обвинен плебейским Трибуном Марком Помпонием; однако, прежде чем настал день суда, Тит явился к Марку и, грозя убить его, если только он не поклянется снять с отца

обвинение, заставил его дать в том клятву, и тот, поклявшись из страха, отказался потом от обвинения.

Так вот, те самые граждане, которых не могли удержать в Италии ни любовь к родине, ни отеческие законы, были удержаны насильно данною клятвой. А упомянутый Трибун пренебрег ненавистью, обидой, нанесенной ему сыном Луция Манлия, собственной честью, чтобы только никак не нарушить данной им клятвы. Порождалось же это не чем иным, как тою религией, которую Нума насадил в Риме.

Кто хорошо изучит римскую историю, увидит, насколько религия помогала командовать войсками, воодушевлять Плебс, сдерживать людей добродетельных и посрамлять порочных. Так что, если бы зашел спор о том, какому государю Рим обязан больше — Ромулу или же Нуме, то, как мне кажется, предпочтение следовало бы отдать Нуме, ибо там, где существует религия, легко создать армию, там же, где имеется армия, но нет религии, насадить последнюю чрезвычайно сложно. Известно, что для основания Сената и для установления других гражданских и военных учреждений Ромулу не понадобилось авторитета бога. Однако авторитет сей весьма пригодился Нуме; он делал вид, будто завел дружбу с Нимфой и что именно она советовала ему все то, что он потом рекомендовал народу. Проистекало это из того, что Нума хотел ввести новые, невиданные дотоле порядки и не был уверен, хватит ли для этого его собственного авторитета.

В самом деле, ни у одного народа не было никогда учредителя чрезвычайных законов, который не прибегал бы к Богу, ибо в противном случае законы их не были бы приняты; ибо много есть благ, познанных человеком рассудительным, которые сами по себе не столь очевидны, чтобы и все прочие люди могли сразу же оценить их достоинства. Вот почему мудрецы, желая устранить подобную трудность, прибегают к богам. Так поступал Солон, и так же поступали многие другие законодатели, преследовавшие те же самые цели, что были у Ликурга и у Солона.

Так вот, восхищаясь добротой и мудростью Нумы, римский Народ подчинялся всем его решениям. Правда, времена тогда были весьма религиозные, а люди, над которыми ему приходилось трудиться, были

совсем неотесанные. Это сильно облегчало Нуме исполнение его замыслов, ибо он мог лепить из таких людей все, что хотел. Кто захотел бы в наши дни создать республику, нашел бы для нее более подходящий материал среди горцев, которых еще не коснулась культура, а не среди людей, привыкших жить в городах, где культура пришла в упадок. Так скульптору легче извлечь прекрасную статую из неотесанного куска мрамора, нежели из плохо обработанного кем-нибудь другим.

Итак, рассмотрев все сказанное, я прихожу к выводу, что введенная Нумой религия была одной из первейших причин счастья Рима, ибо религия эта обусловила добрые порядки, добрые же порядки породили удачу, а удача приводила к счастливому завершению всякое предприятие. Подобно тому как соблюдение культа божества является причиной величия государств, точно так же пренебрежение этим культом является причиной их гибели. Ибо там, где отсутствует страх перед Богом, неизбежно случается, что царство либо погибает, либо страх перед государем восполняет в нем недостаток религии. Но поскольку жизнь государей коротка, то и случается, что такое царство существует лишь до тех пор, пока существует доблесть его царя. Вот почему царства, зависящие только от доблести одного человека, недолговечны, ибо доблесть эта исчезает с его смертью и весьма не часто воскресает в его наследниках, как о том мудро говорит Данте:

Не часто доблесть, данная владыкам,
Нисходит в ветви; тот ее дарит,
Кто может все в могуществе великом.

Поэтому благо республики или царства состоит вовсе не в том, чтобы обладать государем, который бы мудро правил ими в течение всей жизни, а в том, чтобы иметь такого государя, который установил бы в них такие порядки, чтобы названное благо не исчезло с его смертью. И хотя грубых людей легче убедить принять какой-либо новый порядок или согласиться с каким-нибудь новым мнением, из этого никак не следует, будто вовсе невозможно убедить в том же

самом граждан цивилизованных и почитающих себя людьми отнюдь не неотесанными. Народ Флоренции не кажется ведь ни невежественным, ни грубым; тем не менее брат Джироламо Савонарола убедил его в том, что он беседовал с Богом. Я не хочу разбирать, правда ли то или нет, ибо о такого рода людях надлежит говорить с почтением. Я говорю лишь, что весьма многие ему верили, без того чтобы какое-либо из ряда вон выходящее знамение вынудило их к этому; для того, чтобы вызвать к его словам доверие, достаточно было его образа жизни, его учения, предмета, о котором он толковал. Поэтому пусть никто не опасается, что ему не удастся достичь того же, что прежде удавалось достигнуть другим; ведь люди, как было говорено в нашем предисловии, рождаются, живут и умирают, всегда следуя одному и тому же порядку вещей.

Глава XII

О том, сколь важно считаться с религией и как, пренебрегая этим, по вине римской церкви Италия пришла в полный упадок

Государи или республики, желающие остаться неразвращенными, должны прежде всего уберечь от порчи обряды своей религии и непрестанно поддерживать к ним благоговение, ибо не может быть более очевидного признака гибели страны, нежели явное пренебрежение божественным культом. Это легко уразуметь, зная, на чем основана религия, рождающаяся вместе с людьми; ведь жизнь всякой религии поддерживается каким-нибудь ее главным принципом. Жизнь языческой религии держалась на ответах оракулов и на секте прорицателей и гаруспиков: из этого проистекали все прочие церемонии язычников, их жертвоприношения и их обряды. Ведь нетрудно поверить тому, что бог, который способен предсказать тебе твое грядущее благо или же твое грядущее зло, может также и даровать тебе оные. Отсюда рождались храмы, отсюда — жертвоприношения, отсюда — молитвы и весь прочий ритуал богопочитания. Вот почему оракул Делоса, храм Юпитера Амона и другие прославленные оракулы преисполняли мир восхищением и благоговением. Когда же впоследствии они начали вещать угодное власть имущим и весь этот обман стал явен народу, люди сделались неверующими и готовыми нарушить любой добрый порядок. Поэтому главам республики или царства надобно сохранять основы поддерживающей их религии. Поступая так, им будет легко сохранить государство свое религиозным, а следовательно, добрым и единым. Им надлежит поощрять и умножать все, что возникает на благо религии, даже если сами они считают явления эти обманом и ложью. И им следует поступать так тем ревностнее, чем более рассудительными людьми они являются и чем более они сильны в познании природы. Именно поэтому, что подобного образа действий придерживались мудрецы, возникла вера в чудеса, которые почитаются всеми

религиями, даже ложными. Ведь люди знающие раздувают их, какими бы причинами чудеса сии ни порождались. В Древнем Риме такого рода чудес было предостаточно. Вот одно из них. В то время, как римские солдаты предавали разграблению город вейентов, некоторые из них вошли в храм Юноны и, приблизившись к статуе богини, спросили у нее: «*Vis venire Romam?*» После этого какому-то из солдат показалось, будто статуя кивнула, другому же, — что она ответила: «Да». Ведь будучи людьми глубоко религиозными (согласно Титу Ливию, они вступили в храм чинно, преисполненные почтения и благочестия), солдаты сочли, будто услышали тот самый ответ, каковой, как им представлялось, предполагал их вопрос. Мнение это и суеверие солдат было полностью одобрено и поддержано Камиллом и прочими начальниками города.

Если бы князья христианской республики сохраняли религию в соответствии с предписаниями, установленными ее основателем, то христианские государства и республики были бы гораздо целостнее и намного счастливее, чем они оказались в наше время. Невозможно представить большего свидетельства упадка религии, нежели указание на то, что народ, находящийся ближе всех к римской Церкви, являющейся главой нашей религии, наименее религиозен. Тот, кто рассмотрит основы нашей религии и посмотрит, насколько отличны ее нынешние обычаи от стародавних, первоначальных, придет к выводу, что она, несомненно, близка либо к своей гибели, либо к мучительным испытаниям.

Так как многие придерживаются мнения, будто благо городов Италии проистекает от римской Церкви, я хочу выдвинуть против этого мнения ряд необходимых для меня доводов. Приведу два из них, чрезвычайно сильных и, как мне представляется, неотразимых. Первый: дурные примеры папской курии лишили нашу страну всякого благочестия и всякой религии, что повлекло за собой бесчисленные неудобства и бесконечные беспорядки, ибо там, где существует религия, предполагается всякое благо, там же, где ее нет, надо ждать обратного. Так вот, мы, итальянцы, обязаны Церкви и священникам прежде всего тем, что остались без религии и погрязли во зле.

Но мы обязаны им еще и гораздо большим, и сие — вторая причина нашей гибели. Церковь держала и держит нашу страну раздробленной. В самом деле, ни одна страна никогда не бывала единой и счастливой, если она не подчинялась какой-нибудь одной республике или же какому-нибудь одному государю, как то случилось во Франции и в Испании. Причина, почему Италия не достигла того же самого, почему в ней нет ни республики, ни государя, которые бы ею управляли, — одна лишь Церковь. Укоренившись в Италии и присвоив себе светскую власть, римская Церковь не оказалась ни столь сильной, ни столь доблестной, чтобы суметь установить собственную тиранию над всей Италией и сделаться ее государем; с другой стороны, она не была настолько слаба, чтобы, боясь утратить светскую власть над своими владениями, не быть в состоянии призывать себе на подмогу могущественных союзников, которые защищали бы ее против всякого народа и государства, становящегося в Италии чрезмерно сильным. В давние времена тому бывало немало примеров. Так, при помощи Карла Великого Церковь прогнала лангобардов, бывших чуть ли не королями всей Италии. В наше время она подорвала мощь венецианцев с помощью французов, а потом прогнала французов с помощью швейцарцев. Таким образом, не будучи в силах овладеть всей Италией и не позволяя, чтобы ею овладел кто-нибудь другой, Церковь была виновницей того, что Италия не смогла оказаться под властью одного владыки, но находилась под игом множества господ и государей. Это породило столь великую ее раздробленность и такую ее слабость, что она делалась добычей не только могущественных варваров, но всякого, кто только ни желал на нее напасть. Всем этим мы, итальянцы, обязаны Церкви, и никому иному. А если кто пожелал бы на опыте проверить истинность вышесказанного, ему следовало бы обладать такой силой, чтобы иметь возможность переселить папскую курию, со всей тою властью, какой она располагает в Италии, на земли швейцарцев, каковые ныне являются единственным народом, живущим на манер древних, касается ли это их религии или же порядков в их армии; он увидел бы, что порочные нравы означенной курии за короткое время внесли бы больший разлад в эту страну, нежели любое другое несчастье, которое могло бы когда-либо выпасть на ее долю.

Глава XVI

Народ, привыкший жить под властью государя и благодаря случаю ставший свободным, с трудом сохраняет свободу

Насколько трудно народу, привыкшему жить под властью государя, сохранить затем свободу, если он благодаря какому-нибудь случаю ее обретет, как обрел ее Рим после изгнания Тарквиниев, показывают многочисленные примеры, содержащиеся в сочинениях древних историков. Трудности эти понятны, ибо подобный народ является не чем иным, как грубым животным, которое мало того что по природе своей свирепо и дико, но вдобавок вскармливалось всегда в загоне и в неволе; будучи случайно выпущенным на вольный луг и не научившись еще ни питаться, ни находить места для укрытия, оно делается добычей первого встречного, который пожелает снова надеть на него ярмо.

То же самое происходит с народом, который, привыкнув жить под властью других, не умея взвешивать ни того, что полезно обществу, ни того, что идет ему во вред, не понимая государей и не будучи понятым ими, вскоре снова склоняет выю под иго, зачастую оказывающееся еще более тяжким, нежели то, которое он только что сбросил. С подобного рода трудностями сталкивается народ, не подвергшийся нравственной порче. Ибо народ, полностью развращенный, не то что малое время, но вообще ни минуты не может жить свободным, как об этом и будет сказано несколько дальше. Теперь мы станем рассуждать о народе, в который развращенность не проникла еще достаточно глубоко и который более добр, чем испорчен.

К вышеназванным трудностям следует добавить еще одну. Она заключается вот в чем: государство, ставшее свободным, создает партию своих врагов, а не партию друзей. Партию его врагов образуют все те, кто извлекал для себя выгоду из тиранического строя, кормясь

от щедрот государя. Когда у них отнимается возможность для злоупотреблений, они теряют покой и оказываются вынужденными пытаться восстановить тиранию, дабы вернуть себе власть и влияние. Освободившееся государство не приобретает, как я уже говорил, партии друзей, ибо свободная жизнь предполагает, что почести и награды воздаются за определенные и честные поступки, а просто так никто не получает ни почестей, ни наград; когда же кто-нибудь обладает теми почестями и привилегиями, которые, как ему представляется, он заслужил, он никогда не считает, что чем-то обязан людям, которые его вознаградили.

Кроме того, те общие выгоды, которые проистекают из свободной жизни, никем не сознаются, пока они не отняты; заключаются же они в возможности свободно пользоваться собственным добром, не опасаться за честь жены и детей, не страшиться за свою судьбу; но ведь никто никогда не сочтет себя обязанным тому, кто его не обижает.

Итак, как было выше сказано, свободное, заново созданное государство приобретает партию врагов и не приобретает партии друзей. И если кто пожелает избавиться от такого рода неудобства и устранить неурядицы, которые несут с собой вышеозначенные трудности, то для него нет более действенного, более надежного, более верного, более необходимого средства, нежели убить сыновей Брута. Они, как свидетельствует история, были вместе с другими римскими юношами подвигнуты на заговор против родины только тем, что не могли пользоваться при консульской власти исключительными привилегиями, доступными им при власти царей. Таким образом, свобода всего римского народа обернулась для них, как им казалось, рабством. Кто берется направлять народные массы по пути свободы или по пути единодержавия и вместе с тем не предпринимает всего необходимого, чтобы обезопасить себя от врагов нового строя, создает недолговечное государство. Вот почему я почитаю несчастными тех государей, которые, дабы обезопасить свой строй, прибегают к крайним мерам, имея врагом своим народные массы; ибо имеющий своими врагами немногих может обезопасить себя легко и без большого скандала, имеющий же врагом весь народ не обезопасит себя никогда; чем к большим жестокостям будет он прибегать, тем слабее

станет его самодержавный строй. Таким образом, лучшее средство для него — попытаться сделать народ своим другом.

И хотя рассуждение это отступает от темы нашего рассуждения, ибо в нем я говорил о республике, теперь же говорю о государе, тем не менее, дабы не возвращаться больше к этому вопросу, я хочу сказать о нем несколько слов. Так вот, желая приобрести расположение народа, государь — я имею в виду государей, сделавшихся тиранами своей родины, — должен прежде всего выяснить, к чему больше всего стремится народ. Он обнаружит, что народ всегда стремится к двум вещам: во-первых, отомстить тем, кто оказался причиной его рабства, во-вторых, вновь обрести утраченную свободу. Первое из этих стремлений государь может удовлетворить полностью, второе — отчасти.

Относительно первого имеется хороший пример. Клеарх, тиран Гераклеи, находился в изгнании. Случилось, что в ходе распрей, возникших между народом и Оптиматами Гераклеи, Оптиматы, чувствуя себя слабее, склонились на сторону Клеарха, составили заговор и послали за ним против воли народа Гераклеи, а затем отняли у народа свободу. Клеарх, очутившись между наглостью Оптиматов, коих он никаким образом не мог ни удовлетворить, ни обуздать, и яростью Пополанов, не способных снести потери свободы, решил одним махом избавиться от бремени грандов и приобрести расположение народа. Воспользовавшись представившимся ему удобным случаем, Клеарх полностью истребил всех Оптиматов к великому удовольствию Пополанов. Таким образом он удовлетворил одно из народных чаяний — желание отомстить.

Что же касается другого стремления народа — вновь обрести утраченную свободу, то, не имея возможности его удовлетворить, государь должен выяснить, какие причины побуждают народ стремиться к свободе. Он обнаружит, что небольшая часть народа желает быть свободной, дабы властвовать; все же остальные, а их подавляющее большинство, стремятся к свободе ради своей безопасности. Так как во всех республиках, как бы они ни были организованы, командных постов достигает не больше сорока-

пятидесяти граждан и так как число это не столь уж велико, то дело вовсе не сложное обезопасить себя от этих людей, либо устранив их, либо воздав им такие почести, какие, сообразно занимаемому ими положению, могли бы их в значительной мере удовлетворить. Что же касается всех прочих, которым достаточно жить в безопасности, то удовлетворить их легко, создав порядки и законы, при которых власть государя предполагает общественную безопасность. Когда государь сделает это и когда народ увидит, что никто ни при каких обстоятельствах не нарушает данных ему законов, он очень скоро начнет жить жизнью спокойной и довольной. Пример тому — королевство Франции. Оно живет спокойно прежде всего потому, что его короли связаны бесчисленными законами, в которых заключено спокойствие и безопасность всего народа. Учредитель его строя пожелал, чтобы французские короли войском и казной распоряжались по своему усмотрению, а всем остальным распоряжались бы лишь в той мере, в какой это допускают законы.

Итак, государю или республике, не обеспечившим собственной безопасности при возникновении своего строя, надлежит обезопасить себя при первом же удобном случае, как то сделали древние римляне. Упустивший подобный случай впоследствии пожалеет о том, что не сделал того, что ему следовало бы сделать.

Поскольку римский народ не был еще испорчен, когда он приобрел свободу, то он сумел сохранить ее после казни сыновей Брута и смерти Тарквиниев с помощью тех действий и порядков, о коих мы рассуждали в другом месте. Однако если бы народ этот был развращен, то ни в Риме, ни в какой другой стране не нашлось бы надежных средств для сохранения свободы. Это мы и покажем в следующей главе.

Глава XVII

Развращенному народу, обретшему свободу, крайне трудно остаться свободным

Я вижу необходимость того, что власти царей в Риме пришел конец: в противном случае Рим очень скоро сделался бы слабым и ничтожным. Ибо римские цари дошли до такой развращенности, что если бы царям этим наследовало еще два-три подобных им преемника и заложенная в них порча начала распространяться по всем членам, вследствие чего члены эти оказались бы прогнившими, то восстановить Рим стало бы уже окончательно невозможно. Но, потеряв главу, когда тело было еще неповрежденным, римляне смогли легко обратиться к жизни свободной и упорядоченной. Следует принять за непреложную истину, что развращенный город, живущий под властью государя, даже если государь его гибнет вместе со всем своим родом, никогда не может обратиться к свободе. Наоборот, надобно, чтобы одного государя губил в нем другой государь. Без появления какого-нибудь нового правителя город этот никогда не выстоит, если только добродетель и доблесть названного правителя не поддержат в нем свободы. Однако свобода города просуществует лишь столько, сколько продлится жизнь нового государя. Так было в Сиракузах при Дионе и Тимолеонте: их доблесть, пока они были живы, сохраняла этот город свободным, когда же они умерли, город вернулся к давней тирании.

Однако нет более убедительного примера этому, чем тот, что дает Рим: после изгнания Тарквиниев он сумел сразу же обрести и удержать свободу, но после смерти Цезаря, после смерти Гая Калигулы, после смерти Нерона и гибели всего Цезарева рода Рим никогда не мог не только сохранить свободу, но даже хотя бы попытаться положить ей начало. Такое различие в ходе событий, имевших место в одном и том же городе, порождено не чем иным, как тем обстоятельством, что во времена Тарквиниев римский народ не был еще развращенным, а в более поздние времена он был развращен

до крайности. Ведь тогда, для того чтобы поддержать в народе твердость и решимость прогнать царей, достаточно было заставить его поклясться, что он никогда не допустит, чтобы кто-нибудь царствовал в Риме; впоследствии же ни авторитета, ни суровости Брута со всеми его восточными легионами не оказалось достаточным для того, чтобы побудить римский народ пожелать сохранить ту самую свободу, которую он вернул ему, наподобие Брута первого. Произошло это от развращенности, которую внесла в народ партия марианцев. Сделавшись ее главой, Цезарь сумел настолько ослепить народные массы, что они не признали ярма, которое сами себе надели на шею.

И хотя этот пример из истории Рима можно было бы предпочесть всякому другому примеру, я все-таки хочу по данному поводу сослаться также на опыт современных нам народов. Я утверждаю, что никакие события, сколь бы решительны и насильственны они ни были, не смогли бы сделать Милан или Неаполь свободными, ибо все члены их прогнили. Это обнаружилось после смерти Филиппо Висконти: те, кто тогда пожелали вернуть Милану свободу, не смогли и не сумели ее сохранить. Поэтому для Рима было великим счастьем то, что его цари быстро развратились; вследствие этого они были изгнаны еще до того, как их растленность перекинулась на чрево города. Неразвращенность Рима была причиной тому, что бесчисленные смуты не только не вредили, а, наоборот, шли на пользу Республике, ибо граждане ее преследовали благие цели.

Итак, можно сделать следующий вывод: там, где материал не испорчен, смуты и другие раздоры не приносят никакого вреда, там же, где он испорчен, не помогут даже хорошо упорядоченные законы, если только они не предписываются человеком, который с такой огромной энергией заставляет их соблюдать, что испорченный материал становится хорошим. Однако я не знаю, случалось ли это когда-либо и вообще возможно ли, чтобы это случилось. Ибо очевидно, как я уже говорил несколько выше, что город, пришедший в упадок из-за испорченности материала, если когда и поднимается, то только благодаря доблести одного человека, в то время живущего, а не благодаря доблести всего общества, поддерживающего в народе добрые порядки. Едва лишь человек этот умирает, как город тут же

возвращается к своему извечному состоянию. Так было с Фивами, которые благодаря доблести Эпаминонда, пока он был жив, могли сохранять форму республики и обладать империей; однако как только он умер, Фивы вернулись к своим прежним неурядицам.

Причина этому та, что не существует столь долговечного человека, чтобы ему хватило времени хорошо образовать город, бывший долгое время плохо образованным, и если чрезвычайно долголетний правитель или же два поколения доблестных его наследников не подготовят город к свободной жизни, то, как уже было сказано выше, он неминуемо погибнет, если только его не заставят возродиться великие опасности и великая кровь. Ибо указанная развращенность и малая привычка к свободной жизни порождаются неравенством, царящим в этом городе, и желающий создать в нем равенство неизбежно должен был бы прибегнуть к самым крайним, чрезвычайным мерам, каковыми немногие сумеют или захотят воспользоваться. Подробно об этом будет сказано в другом месте.

Глава XVIII

Каким образом в развращенных городах можно сохранить свободный строй, если он в них существует, или создать его, если они им не обладают

Я полагаю, не будет ни неуместным, ни идущим вразрез с вышеприведенным рассуждением рассмотреть, возможно ли в развращенном городе сохранить свободный строй, буде он в нем существует, или же, когда его в нем не существует, можно ли его создать. Я утверждаю, что и то, и другое сделать крайне трудно. И хотя дать здесь правило — вещь почти невыполнимая, ибо пришлось бы пройти по всем ступеням развращенности, я все-таки, поскольку обсудить надо все, не хочу обойти этот вопрос молчанием.

Возьмем город совершенно развращенный, дабы увидеть наибольшее нагромождение рассматриваемых трудностей: в нем не существует ни законов, ни порядков, способных обуздать всеобщую испорченность. Ибо как добрые нравы, для того чтобы сохраниться, нуждаются в законах, точно так же и законы, для того чтобы они соблюдались, нуждаются в добрых нравах. Кроме того, порядки и законы, установленные в республике в пору ее возникновения, когда люди были добрыми, оказываются неуместными впоследствии, когда люди делаются порочными. Но если законы в городе меняются в зависимости от обстоятельств, то порядки его не меняются никогда или меняются крайне редко. Вследствие сего одних новых законов еще недостаточно, ибо их ослабляют нерушимые порядки.

Дабы все это стало понятнее, скажу, что в Риме существовал порядок правления или, вернее, государственного строя, а кроме того — законы, которые при посредстве магистратов обуздывали граждан. Порядок государственного строя составляли: власть Народа, Сената, Трибунов, Консулов, способы выдвижения и выборов магистратов,

форма принятия законов. Эти порядки мало или вовсе не менялись в зависимости от внешних обстоятельств. Менялись законы, обуздывающие граждан, — закон о прелюбодеянии, закон против роскоши, закон против злоупотреблений и многие другие; они возникали постепенно, по мере того как граждане становились испорченными. Однако поскольку оставались нерушимыми порядки государственного строя, которые при общественной испорченности перестали быть добрыми, то одного изменения законов не оказалось достаточным для того, чтобы сохранить добрыми людей. Изменения эти сослужили бы хорошую службу, если бы вместе с введением новых законов менялись бы также и порядки.

Справедливость того, что названные порядки в развращенном городе переставали быть добрыми, обнаруживается на примере двух главных проявлений политической жизни — избрания магистратов и принятия законов. Римский народ предоставлял консулат и другие важные государственные должности только тем лицам, кто их домогался. Такой порядок был вначале хорош, ибо с их должностей домогались только такие граждане, которые почитали себя их достойными: получить отказ считалось в то время позором; так что для того, чтобы быть признанным достойным занять государственную должность, каждый старался вести себя хорошо. Потом же, в развращенном городе, этот обычай стал чрезвычайно вредным, ибо магистратур в нем домогались люди не самые добродетельные, а самые могущественные; не обладающие же силой граждане, даже если они бывали людьми доблестными, из страха воздерживались от того, чтобы требовать себе должностей. Зло это укоренилось не вдруг, а постепенно, как всегда укореняется зло.

Покорив Африку и Азию, подчинив себе почти всю Грецию, римляне почитали свободу свою обеспеченной и не думали, что у них есть враги, которых им следовало бы опасаться. Эта уверенность народа в обеспеченности своей свободы, а также слабость внешних врагов привели к тому, что, предоставляя консулат, римский народ обращал внимание уже не на доблесть, а на обходительность, и выбирал на эту должность тех, кто умел лучше умасливать сограждан, а не тех, кто умел лучше побеждать врагов. Затем от людей наиболее

обходительных римский народ опустился до людей наиболее могущественных и стал делать их консулами. Таким образом, из-за недостатка одного из порядков государственного строя добрые граждане оказались полностью отстраненными от государственных должностей.

Некогда Трибун, да и вообще любой гражданин мог предлагать Народу закон; за этот закон или против него мог высказываться всякий гражданин, пока относительно предложенного закона не принималось определенное решение. И такой порядок был добр, пока добрыми были граждане, ибо всегда хорошо, когда любой человек, имеющий в виду общественное благо, обладает возможностью выносить на обсуждение свои предложения; и хорошо, когда всякий может высказываться о них свое мнение, дабы народ, выслушав всех, мог остановиться на лучшем. Однако когда граждане сделались дурными, таковой порядок оказался чрезвычайно плох, ибо законы предлагали теперь только могущественные граждане, и не во имя общей свободы, а ради собственного могущества: из страха перед ними никто не мог возражать против предлагаемых ими законов. Таким образом, народу приходилось — либо потому, что он бывал обманут, либо же потому, что его вынуждали к этому, — выносить решения, ведущие к его гибели.

Следовательно, для того чтобы Рим и в развращенности сохранял свободу, необходимо было, чтобы, создавая в ходе своей жизни новые законы, он создавал бы вместе с ними и новые порядки; ибо надлежит учреждать различные порядки и образ жизни для существа дурного и доброго: не может быть сходной формы там, где материя во всем различна. Однако, поскольку таковые порядки надо обновлять либо все сразу, когда очевидно, что они перестали быть пригодными, либо мало-помалу, по мере того как познается непригодность каждого из них, то я скажу, что и то и другое — вещь почти невозможная. Ибо для постепенного обновления государственного строя необходимо, чтобы они осуществлялись проницательным человеком, который бы загодя видел недостаток той или иной из сторон государственного строя, когда недостаток этот только еще зародился. Весьма вероятно, что такого человека в городе никогда не найдется; а если он даже и

найдется, ему все равно ни за что не удастся убедить других в том, что для него самого совершенно ясно, ибо люди, привыкнув к определенному укладу жизни, не любят его менять, особенно когда они не сталкиваются со злом лицом к лицу, и поэтому им приходится говорить о нем, основываясь на предположениях. Что же касается внезапного обновления названных порядков, когда уже всякому ясна их непригодность, то я скажу, что ту самую их порчу, которую нетрудно понять, трудно исправить; ибо для этого недостаточно использования обычных путей, так как обычные формы стали дурными — здесь необходимо будет обратиться к чрезвычайным мерам, к насилию и к оружию, и сделаться прежде всего государем этого города, чтобы иметь возможность распоряжаться в нем по своему усмотрению. Поскольку же восстановление в городе политической жизни предполагает доброго человека, а насильственный захват власти государя в республике предполагает человека дурного, то поэтому крайне редко бывает, чтобы добрый человек пожелал, даже преследуя благие цели, встать на путь зла и сделаться государем. Столь же редко случается, чтобы злодей, став государем, пожелал творить добро и чтобы ему когда-либо пришло на ум использовать во благо ту самую власть, которую он приобрел дурными средствами.

Из всего вышесказанного следует, что в развращенных городах сохранить республику или же создать ее — дело трудное, а то и совсем невозможное. А ежели все-таки ее в них пришлось бы создавать или поддерживать, то тогда необходимо было бы ввести в ней режим скорее монархический, нежели демократический, с тем чтобы те самые люди, которые по причине их наглости не могут быть исправлены законами, в какой-то мере обуздывались властью как бы царской. Стремиться сделать их добрыми иными путями было бы делом крайне жестоким или же вовсе невозможным, как я уже говорил раньше, ссылаясь на опыт Клеомена. Он, дабы одному обладать властью, убил Эфоров. По той же причине Ромул убил брата и Тита Тация Сабина. И хотя и Ромул, и Клеомен впоследствии хорошо использовали свою власть, я тем не менее не могу не отметить, что оба они не имели дела с материалом, испорченным той развращенностью,

о которой мы рассуждали в этой главе. Поэтому они смогли проявить волю и, пожелав, довести до конца свои замыслы.

Глава XXV

Кто хочет преобразовать старый строй в свободное государство, пусть сохранит в нем хотя бы тень давних обычаев

Тому, кто стремится или хочет преобразовать государственный строй какого-нибудь города и желает, чтобы строй этот был принят и поддерживался всеми с удовольствием, необходимо сохранить хотя бы тень давних обычаев, дабы народ не заметил перемены порядка, несмотря на то что в действительности новые порядки будут совершенно не похожи на прежние. Ибо люди вообще тешат себя видимым, а не тем, что существует на самом деле. Вот почему римляне, познав необходимость этого в самом начале своей свободной жизни, заменив одного царя двумя выборными Консулами, не захотели, чтобы у Консулов было более двенадцати ликторов, дабы число этих последних не превышало числа прислуживавших царям. Кроме того, так как в Риме совершалось ежегодное жертвоприношение, которое могло совершаться только лично самим царем, римляне, не желая, чтобы из-за отсутствия царя народ пожалел бы о старом времени, избрали главу указанного жертвоприношения, назвав его Царь-жертвоприношитель, и подчинили его верховному Жрецу. Таким образом, народ получил для себя вышеупомянутое жертвоприношение и не имел никакой причины из-за отсутствия его желать возвращения царя. Этого должны придерживаться все те, кто хотят уничтожить в городе старый строй и установить в нем новую, свободную жизнь. Поэтому, хотя новые порядки и изменяют сознание людей, надлежит стараться, чтобы в своих изменениях порядки сохраняли как можно больше от старого. Если меняется число, полномочия и сроки магистратур, надо, чтобы у них сохранялось от старых их наименование. Всему этому, как я уже сказал, должен следовать тот, кто желает установить политическую жизнь посредством создания республики или монархии, но тому, кому угодно

учредить абсолютную власть, именуемую писателями тиранией, надобно переделать все, как о том будет сказано в следующей главе.

Глава XXVI

Новый государь в захваченном им городе или стране должен все переделать по-новому

Когда кто-нибудь становится государем какой-нибудь страны или города, особенно не имея там прочной опоры, и не склоняется ни к монархическому, ни к республиканскому гражданскому строю, то для него самое надежное средство удержать власть — это, поскольку он является новым государем, переделать в этом государстве все по-новому: создать в городах новые правительства под новыми наименованиями, с новыми полномочиями и новыми людьми; сделать богатых бедными, а бедных — богатыми, как поступил Давид, став царем: алчущих исполнил благ, а богатыщихся отпустил ни с чем, а кроме того — построить новые города и разрушить построенные, переселить жителей из одного места в другое, — словом, не оставить в этой стране ничего нетронутым. Так, чтобы в ней не осталось ни звания, ни учреждения, ни состояния, ни богатства, которое не было бы обязано ему своим существованием. Он должен взять себе за образец Филиппа Македонского, отца Александра, который именно таким образом из незначительного царя стал государем всей Греции. Писавший о нем автор говорит, что он перегонял жителей из страны в страну подобно тому, как пастухи перегоняют свои стада.

Меры эти до крайности жестоки и враждебны всякому образу жизни, не только что христианскому, но и вообще человеческому. Их должно избегать всякому: лучше жить частной жизнью, нежели сделаться монархом ценой гибели множества людей. Тем не менее тому, кто не желает избрать вышеозначенный путь добра, надобно погрязнуть во зле.

Но люди избирают некие средние пути, являющиеся самыми губительными; ибо они не умеют быть ни совсем дурными, ни совсем хорошими, как то и будет показано на примере в следующей главе.

Глава XXVII

Люди лишь в редчайших случаях умеют быть совсем дурными или совсем хорошими

В 1505 году папа Юлий II пошел походом на Болонью, дабы выгнать оттуда род де Бентивольи, владевший этим городом около ста лет. Ополчившись против всех тиранов, занимавших церковные земли, он решил также выкинуть Джовампаоло Бальони из Перуджи, тираном которой тот был. Подойдя к Перудже, папа Юлий II с его хорошо всем известной смелостью и решительностью не стал дожидаться войска, которое должно было подоспеть ему на помощь, но вошел в город безоружным, несмотря на то что Джовампаоло собрал в нем довольно много людей для своей защиты. Увлекаемый тем яростным пылом, благодаря которому он подчинял себе все обстоятельства, Юлий II, сопровождаемый только свитой, отдался в руки своего врага, которого затем увел с собой, оставив в Перудже собственного губернатора, установившего в ней власть Церкви.

Людьми рассудительными, находившимися тогда подле папы, была отмечена дерзновенная отвага папы и жалкая трусость Джовампаоло; они не могли уразуметь, как получилось, что человек с репутацией Джовампаоло разом не подмял под себя врага и не завладел богатой добычей, видя, что папу сопровождают все его кардиналы со всеми их драгоценностями. Люди эти не могли поверить, что его остановила доброта или что в нем заговорила совесть; ведь в груди негодяя, который сожительствовал с сестрой и ради власти убил двоюродных братьев и племянников, не могло пробудиться какое-либо благочестивое чувство. Вот почему и приходится сделать вывод, что люди не умеют быть ни достойно преступными, ни совершенно хорошими: злодейство обладает известным величием или является в какой-то мере проявлением широты души, до которой они не в состоянии подняться.

Так вот, Джовампаоло, не ставивший ни во что ни кровосмешение, ни публичную резню родственников, не сумел, когда ему представился к тому удобный случай, или, лучше сказать, не осмелился совершить деяние, которое заставило бы всех дивиться его мужеству и оставило бы по себе вечную память, ибо он оказался бы первым, кто показал прелатам, сколь мало надо почитать всех тех, кто живет и правит подобно им, и тем самым совершил бы дело, величие которого намного превысило бы всякий позор и связанную с ним, возможно, опасность.

Глава XXXIV

Диктаторская власть причинила Римской республике благо, а не вред: губительной для гражданской жизни оказывается та власть, которую граждане присваивают, а не та, что предоставляется им на основе свободных выборов

Некоторые писатели осуждают Римлян за то, что те ввели в Риме обычай избрания Диктатора: обстоятельство это оказалось-де со временем причиной тирании в Риме. Названные писатели ссылаются на то, что первый тиран, бывший в сем городе, распоряжался в нем, прикрываясь диктаторским званием. Они говорят, что, не будь его, Цезарь не смог бы приукрасить свою тиранию никаким общественным саном. Все это придерживающимися подобного мнения писателями не было должным образом рассмотрено и находится вне доводов разума. Ибо не сан и не звание Диктатора поработили Рим, а полномочия, присваивавшиеся гражданами вследствие длительности военной власти. И если бы в Риме отсутствовало звание Диктатора, граждане Рима воспользовались бы каким-нибудь другим. Ведь это сила легко получает наименования, а не наименования силу. Не трудно увидеть, что Диктатура, пока она давалась согласно установленным общественным порядкам, а не вследствие личного авторитета, всегда приносила пользу городу. Ибо губят республики те магистратуры и власть, которые создаются и даются незаконным, экстраординарным путем, а не те, что получают путем обычным. Пример тому — Рим: за много времени ни один Диктатор не причинил Республике ничего, кроме блага.

Почему это так — совершенно ясно. Во-первых, для того, чтобы какой-либо гражданин мог угнетать других и захватить чрезвычайную власть, ему надобно обладать многими качествами, которыми в

неразвращенной республике обладать он не в состоянии: ему надо быть очень богатым и иметь достаточное количество приспешников и сторонников, которых у него не может появиться там, где соблюдаются законы; когда же они у него появляются, люди эти наводят такой страх, что оказывается невозможно провести свободные выборы. Кроме того, Диктатор назначался на определенный срок, а не навечно, и только для предупреждения той самой опасности, по причине которой он бывал избираем. Его полномочия давали ему право единолично принимать решения относительно средств, направленных на пресечение названной смертельной опасности, действовать во всем, не советуясь с Народом и другими магистратами, и наказывать любого гражданина без права последнего на апелляцию. Но он не мог сделать ничего в ущерб государственному строю: он не мог бы, например, лишит Сенат и Народ их полномочий, уничтожить в городе старые порядки и создать новые. Так что при кратковременности его диктатуры и ограниченности предоставленных ему полномочий, а также при тогдашней неразвращенности римского народа ему было бы невозможно преступить положенные для него пределы и повредить городу. Опыт показывает, что Диктатура всегда оказывалась полезна.

И действительно, среди прочих римских учреждений Диктатура заслуживает того, чтобы ее рассмотрели и причислили к тем из них, которые были причиной величия столь огромной державы. Ибо без подобного учреждения города с трудом справились бы с чрезвычайными обстоятельствами. Ведь обычные учреждения действуют в республиках медленно (так как и советы, и магистраты не имеют возможности во всем поступать самостоятельно, но нуждаясь друг в друге для решения многих вопросов, а также потому, что для вынесения совместных решений потребно время) и предлагаемые ими меры оказываются крайне опасными, когда им приходится лечить болезнь, требующую незамедлительного вмешательства. Вот почему республики должны иметь среди своих учреждений нечто подобное Диктатуре. Именно поэтому Венецианская республика, каковая среди нынешних республик является самой замечательной, предоставила полномочия нескольким немногим гражданам в случаях крайней необходимости принимать совместное решение помимо Большого совета. Ибо, когда в республике отсутствует такого рода институт,

неизбежно приходится либо гибнуть, соблюдая установленные порядки, либо ломать их, дабы не погибнуть. Но в республике всегда нежелательно возникновение обстоятельств, для совладания с которыми приходится обращаться к чрезвычайным мерам. Ибо хотя чрезвычайные меры в определенный момент оказывались полезными, сам пример их бывал вреден. Ведь едва лишь устанавливается обыкновение ломать установленные порядки во имя блага, как тут же, прикрываясь благими намерениями, их начинают ломать во имя зла. Так что республика никогда не будет совершенной, если ее законы не будут предусматривать всего и если против каждого неожиданного обстоятельства у нее не найдется средства и способа с этим обстоятельством совладать. Поэтому в заключение я скажу, что те республики, которые в минуту крайней опасности не прибегают к Диктатуре или к подобной ей власти, оказавшись в тяжелых обстоятельствах, неминуемо погибнут.

Следует также отметить в этом институте обычай его избрания, мудро предусмотренный Римлянами. Так как назначение Диктатора было сопряжено с некоторым позором для Консулов, которые из глав государства становились такими же подчиненными Диктатору гражданами, как и все остальные, и предполагая, что из-за этого может возникнуть у граждан возмущение, Римляне решили, что полномочия избирать Диктатора будут предоставляться Консулам. Римляне считали, что когда случится так, что Риму понадобится подобного рода царская власть, Консулы создадут ее таким способом охотнее, а создав ее сами, будут менее страдать от нее. Ибо человек от ран и прочих бед, которые он нанес себе сам, по собственной воле и выбору, страдает гораздо меньше, чем от тех, что ему наносят другие. Однако в дальнейшем, в последние годы Республики, у Римлян вошло в обыкновение вместо Диктатора предоставлять подобного рода полномочия Консулу, пользуясь такими словами: «*Videat Consul, ne Respublica quid detrimenti capiat*» (Пусть позаботится Консул, чтобы Республика не понесла какого-нибудь урона.)

Дабы вернуться к нашей теме, замечу, что соседи Рима, пытаясь раздавить его, заставили Рим создать порядки, не только способные защитить его от них, но и давшие ему возможность самому нападать

на соседей с большею силой, с большею мудростью и с большим авторитетом.

Глава XXXVII

О том, какие раздоры породил в Риме аграрный закон, а также о том, что принимать в республике закон, имеющий большую обратную силу и противоречащий давним обычаям города, — дело, чреватое многими раздорами

Мнение древних писателей таково, что люди обычно печалятся в беде и не радуются в счастье и что обе эти склонности порождают одни и те же последствия. Ибо едва лишь люди перестают бороться, вынуждаемые к борьбе необходимостью, как они тут же начинают бороться, побуждаемые к тому честолюбием. Последнее столь сильно укоренилось в человеческом сердце, что никогда не оставляет человека, как бы высоко он ни поднялся. Причина этому та, что природа создала людей таким образом, что люди могут желать всего, но не могут всего достигнуть. А так как желание приобретать всегда больше соответственной возможности, то следствием сего оказывается их неудовлетворенность тем, чем они владеют, и недовольство собственным состоянием. Этим порождаются перемены в человеческих судьбах, ибо по причине того, что одна часть граждан жаждет иметь еще больше, а другая боится утратить приобретенное, люди доходят до вражды и войны, каковая одну страну губит, а другую возвеличивает.

Я привел это рассуждение потому, что римскому Плебсу мало было обезопасить себя от патрициев посредством выборов Трибунов, добиваться которых плебеев вынуждала необходимость: добившись этого, Плебс начал бороться из честолюбия и пожелал делить со Знатью почести и богатство, ибо то и другое почитается людьми превыше всего. Это породило беду хуже чумы, вызвавшую распри

вокруг аграрного закона, которые стали в конце концов причиной крушения Республики.

В хорошо устроенных республиках все общество — богато, а отдельные граждане — бедны. В Риме случилось так, что названный закон не соблюдался. Он либо с самого начала был сформулирован таким образом, что его каждодневно приходилось перетолковывать, либо настолько изменился в процессе применения, что обращение к его первоначальной форме оказалось чреватым многими раздорами, либо же, будучи хорошо сформулированным вначале, исказился затем от употребления. Как бы то ни было, в Риме никогда не заговаривали об аграрном законе без того, чтобы город не переворачивался вверх дном.

Названный закон имел две главных статьи. Одна из них указывала, что никто из граждан не может владеть больше, чем определенным количеством югеров земли; другая предписывала, чтобы поля, отнятые у врагов, делились между всем римским народом. Отсюда проистекало для Знати двоякое утеснение: тем из нобилей, которые имели больше земель, чем допускал закон (а среди Знати таковых было большинство), приходилось их лишаться; распределение же среди плебеев отнятых у врагов благ закрывало нобилиям путь к дальнейшему обогащению. Поэтому, так как утеснения эти были направлены против сильных мира сего и так как, сопротивляясь им, последние уверяли, будто они отстаивают общее благо, нередко случалось, что весь город, как уже говорилось, переворачивался вверх дном.

Знать терпеливо и хитро оттягивала применение аграрного закона, либо затеявая войну вне пределов Рима, либо противопоставляя Трибуну, предлагающему аграрный закон, другого Трибуна, либо, сделав частичные уступки, выводя колонию в то самое место, которое подлежало разделу. Так случилось с землями Антия. Когда в связи с ними возникла тяжба об аграрном законе, в Антий были посланы из Рима колонисты, которым предоставлялись названные земли. Говоря, что в Риме с трудом отыскиались люди, согласившиеся отправиться в упомянутую колонию, Тит Ливий употребляет примечательное

выражение: оказалось, что имеется множество плебеев, которые предпочитают желать благ в Риме, нежели владеть ими в Антии.

Лихорадочная жажда аграрного закона некогда столь сильно мучила город, что Римляне стали вести войны на отдаленных землях Италии или же вообще за ее границами. После этого лихорадка сия на некоторое время, по видимости, прекратилась. Произошло это потому, что земли, которыми владели враги Рима, не находясь под носом у плебеев и располагаясь в местах, где их трудно было возделывать, оказались для плебеев менее желанными. Поэтому же и Римляне стали по отношению к своим врагам менее жестокими, и когда они все же отрезали земли от их владений, то отдавали эти земли под колонии. Так что, в силу названных причин, аграрный закон находился под спудом вплоть до времени Гракхов. Именно Гракхи снова извлекли его на свет и тем погубили римскую свободу. Ибо к тому времени сила противников аграрного закона удвоилась. Поэтому он разжег между Плебсом и Сенатом столь сильную ненависть, что она вылилась в потоки крови и вооруженные столкновения, выходившие за рамки нравов и обычаев цивилизованного общества. Так как должностные лица не могли с ними справиться и так как на магистратов не надеялась больше ни одна из группировок, враждующие партии стали прибегать к собственным средствам и каждая из них обзавелась главарем, который бы ее защищал.

Зачинщиками этой смуты и беспорядков были плебеи. Они возвеличили Мария, притом настолько, что четырежды делали его Консулом. Они возобновляли его консулат через столь малые промежутки времени, что затем он уже сам смог сделаться Консулом еще три раза. Против подобной беды у Знати не было иного средства, как начать поддерживать Суллу. Сделав его главой своей партии, Знать развязала гражданскую войну и, пролив много крови, испытал различные превратности судьбы, одержала в ней верх.

Те же самые распри возникли во времена Цезаря и Помпея: Цезарь сделался главой партии Мария, а Помпей — Суллы. В схватке между ними верх одержал Цезарь. Он был первым тираном в Риме. После него город этот никогда уже не был свободным.

Вот какое начало и вот какой конец имел аграрный закон.

В другом месте мы доказывали, что вражда между Сенатом и Плебсом поддерживала в Риме свободу, ибо из вражды сей рождались законы, благоприятные свободе. И хотя, как кажется, результаты аграрного закона противоречат подобному выводу, я все-таки заявляю, что не намерен из-за этого отказываться от своего мнения. Ведь жадность и надменное честолюбие грандов столь велико, что, если город не обуздает их любыми путями и способами, они быстро доведут этот город до гибели. Распрям вокруг аграрного закона понадобилось триста лет для того, чтобы сделать Рим рабским, но Рим был бы поработщен много скорее, если бы плебеи с помощью аграрного закона и других своих требований постоянно не сдерживали жадность и честолюбие нобилей. Ибо римская Знать всегда без большого шума уступала плебеям почести, но как только дело дошло до имущества, она бросилась защищать его с таким упорством, что плебеям, дабы удовлетворить собственные аппетиты, пришлось прибегнуть к вышерассмотренным чрезвычайным мерам.

Зачинщиками этих беспорядков были Гракхи, каковых следует хвалить скорее за их намеренья, нежели за их рассудительность. Ведь желать уничтожить возникшие в городе беспорядки и принимать ради этого закон, имеющий большую обратную силу, — дело весьма неблагоприятное. Поступить так — об этом много уже говорилось выше — значит только ускорить то самое зло, к которому ведут названные беспорядки. Если же повременить и выждать, зло либо придет позднее, либо, со временем, исчезнет само собой.

Глава LV

О том, как легко ведутся дела в городе, где массы не развращены, а также о том, что там, где существует равенство, невозможно создать самодержавие, там же, где его нет, невозможно учредить республику

Несмотря на то что выше мы довольно подробно рассуждали о том, чего надобно опасаться городам развращенным и на что им можно надеяться, мне все же представляется нелишним рассмотреть решение Сената относительно обета Камилла отдать Аполлону десятую часть добычи, захваченной у вейентов. Добыча эта попала в руки римского Плебса и, так как не было никакой возможности ее сосчитать, Сенат издал постановление о том, чтобы каждый выложил в общий котел десятую часть того, что им было нагреблено. И хотя решение это не было проведено в жизнь, ибо Сенат впоследствии нашел средство по-другому ублажить Аполлона, не чиня обиды Плебсу, оно все-таки показывает, насколько Сенат верил в добродетель плебеев, полагая, что не найдется ни одного из них, кто не представил бы ровно столько добычи, сколько предписывалось названным сенатским решением. С другой стороны, Плебс не подумал как-либо обойти постановление Сената, отдав меньше, чем следовало, но решил освободиться от него, открыто обнаружив недовольство.

Пример этот, так же как и многие другие, о которых говорилось выше, показывает, сколь добродетелен и благочестив был римский народ и сколь много хорошего можно было от него ожидать. И действительно, где нет подобной добродетели, невозможно ожидать чего-либо хорошего, как нечего ждать от стран, которые в последнее время совершенно развратились, — прежде всего от Италии. Даже Франции и Испании коснулась та же самая развращенность. Если в них не видно таких же раздоров, каковые каждодневно возникают в

Италии, то проистекает это не столько от добродетели их народов, каковая у названных народов по большей части отсутствует, сколько потому, что во Франции и Испании имеется король, поддерживающий их внутреннее единство не только благодаря собственной доблести, но главным образом благодаря политическому строю этих королевств, не подвергшемуся еще порче.

Добродетель и благочестие народа очень хорошо видны в Германии, где они все еще очень велики. Именно добродетель и благочестие народа делают возможным существование в Германии многих свободных республик, которые так строго соблюдают свои законы, что никто ни извне, ни изнутри не дерзает посягнуть на их независимость. В подтверждение истинности того, что в тех краях сохранилась добрая часть античной добродетели, я хочу привести пример, похожий на приведенный выше пример с римским Сенатом и Плебсом. В германских республиках существует обычай: когда надо получить и израсходовать из общественных средств определенное количество денег, магистраты и советы, обладающие в сказанных республиках полномочиями власти, облагают всех жителей города податью, равною одному-двум процентам от состояния каждого. И как только принимается подобное постановление, каждый, согласно порядкам своей земли, является к сборщикам подати; дав клятву уплатить должную сумму, он бросает в предназначенный для этого ящик столько денег, сколько велит ему совесть: свидетелем уплаты выступает только сам плательщик. Из этого можно заключить, как много добродетели и как много благочестия сохранилось еще у этих людей. Мы вынуждены предположить, что каждый из них честно уплачивает подобающую ему сумму, ибо если бы он ее не уплачивал, подать не достигала бы тех размеров, которые устанавливались для нее давними обычаями налогообложения, а если бы она их не достигала, обман был бы обнаружен и, будучи обнаруженным, заставил бы изменить способ сбора податей.

Подобная добродетель в наши дни тем более удивительна, что встречается она до крайности редко: по-видимому, сохранилась она теперь только в Германии.

Порождается это двумя причинами. Во-первых, германцы не имеют широких сношений с соседними народами. Ни соседи не наведываются к ним в гости, ни они сами не наведываются к соседям, ибо довольствуются теми благами, теми продуктами питания и теми шерстяными одеждами, которые изготавливаются в их стране. Тем самым устраняется причина для внешних сношений и начало всяческой развращенности: германцы не усвоили нравов ни французов, ни испанцев, ни итальянцев, каковые нации вкупе являются развратителем мира. Во-вторых, германские республики, сохранившие у себя свободную и неиспорченную политическую жизнь, не допускают, чтобы кто-либо из их граждан был дворянином или же жил на дворянский лад. Больше того, они поддерживают у себя полнейшее равенство и являются злейшими врагами господ и дворян, живущих в тамошней стране; если те случайно попадают к ним в руки, то они уничтожают их как источник разложения и причину смут.

Дабы стало совершенно ясно, кого обозначает слово «дворянин», скажу, что дворянами именуются те, кто праздно живут на доходы со своих огромных поместий, нимало не заботясь ни об обработке земли, ни о том, чтобы необходимым трудом заработать себе на жизнь. Подобные люди вредны во всякой республике и в каждой стране. Однако самыми вредными из них являются те, которые помимо указанных поместий владеют замками и имеют повинующихся им подданных. И теми и другими переполнены Неаполитанское королевство, Римская область, Романья и Ломбардия. Именно из-за них в этих странах никогда не возникало республики и никогда не существовало какой-либо политической жизни: подобная порода людей — решительный враг всякой гражданственности. В устроенных наподобие им странах при всем желании невозможно учредить республику. Если же кому придет охота навести в них порядок, то единственным возможным для него путем окажется установление там монархического строя. Причина этому такова: там, где развращенность всех достигла такой степени, что ее не в состоянии обуздать одни лишь законы, необходимо установление вместе с законами превосходящей их силы; таковой силой является царская рука, абсолютная и чрезвычайная власть которой способна обуздывать чрезмерную жадность, честолюбие и развращенность сильных мира сего.

Правильность такого рода рассуждений подтверждает пример Тосканы: там на небольшом расстоянии друг от друга долгое время существовало три республики — Флоренция, Сиена и Лукка; остальные же города этой страны, хотя и были в какой-то мере поработаны, всем духом и строем своим обнаруживали, что они сохранили или хотели бы сохранить свою свободу. Произошло сие потому, что в Тоскане не было ни одного владельца замка и имелось очень мало дворян. Там существовало такое равенство, что мудрому человеку, знающему гражданские порядки древних, было бы очень просто устроить там свободную гражданскую жизнь. Однако несчастье Тосканы столь велико, что по сей день в ней не нашлось ни одного человека, который сумел бы или же знал бы, как это сделать.

Так вот, из всего вышеприведенного рассуждения вытекает следующий вывод: желающий создать республику там, где имеется большое количество дворян, не сумеет осуществить свой замысел, не уничтожив предварительно всех их до единого; желающий же создать монархию или самодержавное княжество там, где существует большое равенство, не сможет этого сделать, пока не выведет из сказанного равенства значительное количество людей честолюбивых и беспокойных и не сделает их дворянами по существу, то есть пока он не наделит их замками и имениями, не даст им много денег и крепостных, с тем чтобы, окружив себя дворянами, он мог бы, опираясь на них, сохранить свою власть, а они, с его помощью, могли бы удовлетворять свою жадность и свое честолюбие, в этом случае все прочие граждане оказались бы вынуждены безропотно нести то самое иго, заставить переносить которое способно одно лишь насилие. Именно таким образом устанавливается равновесие между обращающимися к насилию и теми, на кого насилие это направлено, и каждый человек прочно прикрепляется к своему сословию. Превращение страны, приноровленной к монархическому строю, в республику и установление монархии в стране, приспособленной к республиканскому строю, — дело, требующее человека редкостного ума и воли. Поэтому, хотя брались за него весьма многие, лишь очень немногим удавалось довести его до конца. Огромность встающей

перед ними задачи отчасти устрашает людей, отчасти сковывает их — в результате они на первых же шагах спотыкаются и терпят неудачу.

Возможно, высказанное мною мнение о том, что невозможно создать республику там, где имеются дворяне, покажется противоречащим опыту Венецианской республики, где одни лишь дворяне допускаются на общественные и государственные должности. Но на это я возражу, что пример Венеции моему мнению отнюдь не противоречит, ибо в республике сей дворяне являются дворянами больше по имени, чем по существу: они не получают там больших доходов с поместий, так как источник их богатства — торговля и движимость; кроме того, никто из них не владеет замками и не обладает никакой вотчинной властью над крестьянами; слово «дворянин» является в Венеции почетным званием, никак не связанным с тем, что в других городах делает человека дворянином. Подобно тому как в других республиках жители делятся на различные группы, по-разному именуемые, жители Венеции делятся на дворян и на народ. Дворяне там обладают или могут обладать всеми почестями; народ же к ним совершенно не допускается. Благодаря этому, в силу причин, о которых уже говорилось, в Венеции не возникает смут.

Итак, пусть устанавливается республика там, где существует или создано полное равенство. И наоборот, пусть учреждается самодержавие там, где существует полнейшее неравенство. В противном случае будет создано нечто несоразмерное и недолговечное.

Глава LVII

Плебеи в массе своей крепки и сильны, а по отдельности слабы

Многие римляне, после того как нашествие французов опустошило их родину, переселились в Вейи, вопреки постановлению и предписанию Сената. Дабы исправить такой беспорядок, Сенат специальными общественными эдиктами повелел всем к известному сроку и под страхом определенного наказания вернуться в Рим. Те, против кого были направлены указанные эдикты, сперва потешались над ними, но потом, когда настал срок повиноваться, подчинились. Тит Ливий говорит по этому поводу: «Ex ferocibus universis singuli metu suo obidentes fuere» [\[1\]](#).

И действительно, нельзя лучше показать природу народных масс, чем показано в приведенном тексте. Массы дерзко и многократно оспаривают решения своего государя, но затем, оказавшись непосредственно перед угрозой наказания, не доверяют друг другу и покорно им повинуются. Таким образом, можно считать неслучайным, что тому, что народ говорит о своих добрых или дурных настроениях, не стоит придавать слишком большого значения; ведь ты в состоянии поддержать его, если народ настроен хорошо; если же он настроен дурно, ты можешь заранее помешать ему причинить тебе вред.

Говоря здесь о дурных настроениях народа, я имею в виду все его недовольства, помимо тех, которые вызываются потерей свободы или утратой любимого государя, все еще находящегося в живых: недовольства, порожденные такого рода причинами — вещь очень страшная, и для обуздания их требуются крайние меры. Все же прочие народные недовольства легко устранимы — в тех случаях, когда у народа нет вождей. Ибо не существует ничего более ужасного, чем разнузданные, лишенные вождя массы, и вместе с тем — нет ничего более беспомощного: даже если народные массы вооружены, их несложно будет успокоить при условии, что тебе удастся уклониться

от их первого натиска; ведь когда горячие головы малость поостынут и все разойдутся по домам, каждый начнет сомневаться в своих силах и позаботится о собственной безопасности, либо обратившись в бегство, либо пойдя на попятный.

Вот почему взбунтовавшимся массам, если они только желают избежать подобной опасности, надобно сразу же избрать из своей среды вождя, который бы направлял их, поддерживал их внутреннее единство и заботился об их защите. Именно так поступили римские плебеи, когда после смерти Виргинии они покинули Рим и ради своего спасения избрали из своей среды двадцать Трибунов. В тех же случаях, когда они этого не делали, с ними всегда случалось то, о чем говорит Тит Ливий в вышеприведенной фразе. Все вместе они бывают храбрыми, когда же каждый из них начинает думать о грозящей лично ему опасности, они становятся слабыми и трусливыми.

Глава LVIII

Народные массы мудрее и постояннее государя

Нет ничего суетнее и непостояннее народных масс — так утверждает наш Тит Ливий, подобно всем прочим историкам. В повествованиях их о людских деяниях часто приходится видеть, как народные массы сперва осуждают кого-нибудь на смерть, а затем его же оплакивают и весьма о нем сожалеют. Пример тому — отношение римского народа к Манлию Капитолийскому, коего он сперва приговорил к смерти, а потом горько о нем пожалел. Историк так говорит об этом: «*Populum brevi, posteaquam ab eo periculum nullum erat, desiderium eius tenuit*» [\[2\]](#). В другом месте, показывая события, развернувшиеся в Сиракузах после смерти Гиеронима, внука Гиерона, он говорит: «*Haece pa-tura multitudinis est: aut humiliter servit, aut superbe dominatur*» [\[3\]](#).

Не знаю, может быть, я взваливаю на себя тяжелое и трудно исполнимое дело, от которого мне либо придется с позором отказаться, либо вести его под бременем порицаний, но я хочу защищать положение, отвергаемое, как мною только что говорилось, всеми историками. Впрочем, как бы там ни было, я никогда не считал и никогда не буду считать пороком готовность отстаивать любое мнение, опираясь на разум и не прибегая к помощи авторитета и силы.

Так вот, я утверждаю, что тем самым пороком, которым историки попрекают народные массы, можно попрекнуть всех людей вообще и больше всего государей. Всякий человек, не управляемый законами, совершил бы те же самые ошибки, которые допускают разнузданные массы. В этом легко убедиться: немало есть и было разных государей, но добрые и мудрые государи — наперечет. Я говорю о государях, сумевших разорвать сдерживающую их узду; в этот разряд не входят ни государи, существовавшие в Египте и в пору самой древней древности управлявшие этой страной с помощью законов, ни государи, существовавшие в Спарте, ни государи, ныне существующие во

Франции. Монархическая власть сдерживается во Франции законами более, чем в каком-либо из известных нам нынешних царств. Цари эти, правившие согласно конституционным законам, не входят в названный разряд, поскольку нам хотелось бы рассмотреть природу всякого человека, взятого самого по себе, и посмотреть, сходна ли она с природой народных масс. В противовес же названным царям можно было бы поставить массы, так же как и цари, управляемые законами: в этом случае мы обнаружили бы у народных масс те же самые добродетели, что и у царей, и увидели бы, что массы и не властвуют надменно, и не прислуживают рабски.

Именно таким был римский народ, который, пока Республика сохранялась неразвращенной, никогда рабски не прислуживал и никогда надменно не властвовал, но с помощью своих учреждений и магистратов честно и с достоинством играл отведенную ему общественную роль. Когда необходимо было выступать против одного из сильных мира сего, он делал это — пример тому Манлий, Децимвиры и другие, пытавшиеся угнетать народ; когда же необходимо было во имя общественного блага повиноваться Диктаторам и Консулам, он повиновался. И если римский народ горько сожалел о смерти Манлия Капитолийского, то особенно удивляться тут нечему: он сожалел об его доблести, которая была столь велика, что воспоминания о ней вызывали у каждого слезы. Точно так же поступил бы любой государь, ведь все историки уверяют, что следует прославлять всякую доблесть и восхищаться ею даже у наших врагов. Тем не менее если бы среди проливаемых по нему слез Манлий вдруг воскрес, народ Рима вынес бы ему тот же самый приговор; он точно так же освободил бы его из тюрьмы, а некоторое время спустя осудил бы его на смерть. В противоположность этому можно видеть, как государи, почитаемые мудрыми, сперва убивали какого-нибудь человека, а потом крайне о том сожалели. Так поступил Александр с Клитом и другими своими друзьями, а Ирод — с Мариамной.

Но то, что говорит нам историк о природе народных масс, он говорит не о массах, упорядоченных законами, вроде римского народа, а о разнузданной толпе, каковой была сиракузская чернь. Эта последняя совершает ошибки, совершаемые людьми вспыльчивыми и

необузданными, вроде Александра Великого и Ирода. Поэтому не следует порицать природу масс больше, нежели натуру государей, ибо и массы, и государи в равной степени заблуждаются, когда ничто не удерживает их от заблуждений. В подтверждение этого, помимо приведенных мною примеров, можно сослаться на пример римских императоров и на других тиранов и государей; у них мы увидим такое непостоянство и такую переменчивость, каких не найти ни у одного народа.

Итак, я прихожу к выводу, противоречащему общему мнению, полагающему, будто народ, когда он находится у власти, непостоянен, переменчив и неблагодарен. Я утверждаю, что народ грешит названными пороками ничуть не больше, нежели любой государь. Тот, кто предъявит обвинение в указанных пороках в равной мере и народу, и государям, окажется прав; избавляющий же от них государей допустит ошибку. Ибо властвующий и благоустроенный народ будет столь же, а то и более постоянен, благоразумен и щедр, что и государь, притом государь, почитаемый мудрым. С другой стороны, государь, сбросивший узду закона, окажется неблагодарнее, переменчивее и безрассуднее всякого народа. Различие в их действиях порождается не различием их природы — ибо природа У всех одинакова, а если у кого здесь имеется преимущество, то как раз у народа, — но большим или меньшим уважением законов, в рамках которых они живут. Всякий, кто посмотрит на римский народ, увидит, что в продолжение четырехсот лет народ этот был врагом царского звания, страстным почитателем славы своей родины и поборником ее общественного блага, — он увидит множество примеров и тому, и другому. А если кто сошлется на неблагодарность, проявленную римским народом по отношению к Сципиону, то в ответ я приведу тот же самый довод, который подробно рассматривался мною прежде, когда показывалось, что народ менее неблагодарен, нежели государь.

Что же до рассудительности и постоянства, то уверяю вас, что народ постояннее и много рассудительнее всякого государя. Не без причин голос народа сравнивается с гласом Божьим: в своих предсказаниях общественное мнение достигает таких поразительных результатов, что кажется, будто благодаря какой-то тайной

способности народ ясно предвидит, что окажется для него добром, а что — злом. Лишь в самых редких случаях, выслушав речи двух ораторов, равно убедительные, но тянущие в разные стороны, народ не выносит наилучшего суждения и не способен понять того, о чем ему говорят. А если он, как отмечалось, допускает ошибки, принимая решения излишне смелые, хотя и кажущиеся ему самому полезными, то ведь еще большие ошибки допускает государь, движимый своими страстями, каковые по силе много превосходят страсти народа. При избрании магистратов, например, народ делает несравнимо лучший выбор, нежели государь; народ ни за что не уговоришь, что было бы хорошо удостоить общественным почетом человека недостойного и распутного поведения, а государя уговорить в том можно без всякого труда.

Коли уж что-то внушило ужас народу, то мнение его по этому поводу не изменяется веками. Совсем не то мы видим у государей. Для подтверждения правильности обоих вышеизложенных положений мне было бы достаточно сослаться на римский народ. На протяжении сотен лет, много раз избирая Консулов и Трибунов, он и четырежды не раскаялся в своем выборе.

Народ Рима, как я уже говорил, настолько ненавидел титул царя, что никакие заслуги гражданина, помогавшегося этого титула, не могли спасти его от заслуженного наказания.

Помимо всего прочего, города, в которых у власти стоит народ, за короткое время сильно расширяют свою территорию, много больше, чем те, которые всегда находились под властью одного государя. Так было с Римом после изгнания из него царей; так было с Афинами после освобождения их от Писистрата. Причина тому может быть только одна: народное правление лучше правления самодержавного.

Я не хочу, чтобы этому моему мнению противопоставлялось все то, о чем говорит нам историк в вышеупомянутой фразе или в каком-нибудь другом месте, ибо если мы сопоставим все беспорядки, произведенные народом, со всеми беспорядками, учиненными государями, и все славные деяния народа со всеми славными деяниями государей, то мы увидим, что народ много превосходит государей и в

добродетели, и в славе. А если государи превосходят народ в умении давать законы, образовывать гражданскую жизнь, устанавливать новый строй и новые учреждения, то народ столь же превосходит их в умении сохранять учрежденный строй. Тем самым он приобщается к славе его учредителей.

Одним словом, дабы заключить мои рассуждения о сем предмете, скажу, что много было долговечных монархий и много было долговечных республик; тем и другим потребно было подчинение законам, ибо государь, который способен делать все, что ему заблагорассудится, — безумен, народ же, который способен делать все, что ему угодно, — не мудр. Однако если мы сопоставим государя, уважающего закон, с подчиняющимся законам народом, то убедимся, что у народа доблести больше, чем у государя. Если же мы сопоставим необузданного государя с тоже необузданным народом, то увидим, что и в этом случае народ допускает менее серьезные ошибки, для исправления которых необходимы более легкие средства. Ведь достаточно доброму человеку поговорить с разнузданным и мятежным народом, и тот тут же опять встанет на правый путь. А с дурным государем поговорить некому — для избавления от него потребно железо. По этому можно судить о степени серьезности заболевания. Раз для излечения болезни народа довольно слов, а для излечения болезни государя необходимо хирургическое вмешательство, то не найдется никого, кто не признал бы, что там, где лечение труднее, допущены и более серьезные ошибки.

Когда народ совершенно сбрасывает с себя всякую узду, опасаться надо не безумств, которые он творит, и не нынешнего зла страшиться, — бояться надо того, что из этого может произойти, ибо общественные беспорядки легко порождают тирана. С дурными государями происходит как раз обратное: тут страшатся теперешнего зла и все надежды возлагают на будущее; люди успокаивают себя тем, что сама дурная жизнь государя может возродить свободу. Итак, вот к чему сводится различие между народом и государем: это отличие существующего от того, что будет существовать.

Жестокость народных масс направлена против тех, кто, как опасается народ, может посягнуть на общее благо; жестокость государя направлена против тех, кто, как он опасается, может посягнуть на его собственное, личное благо.

Неблагоприятные народу мнения о нем порождены тем, что о народе всякий говорит плохое свободно и безбоязненно даже тогда, когда народ стоит у власти; о государях же всегда говорят с большим страхом и с тысячью предосторожностей...

Книга вторая

Вступление

Люди всегда хвалят — но не всегда с должными основаниями — старое время, а нынешнее порицают. При этом они до того привержены прошлому, что восхваляют не только те давние эпохи, которые известны им по свидетельствам, оставленным историками, но также и те времена, которые они сами видели в своей молодости и о которых вспоминают, будучи уже стариками. В большинстве случаев таковое их мнение оказывается ошибочным. Мне это ясно, потому что мне понятны причины, вызывающие у них подобного рода заблуждение.

Прежде всего, заблуждение это порождается, по-моему, тем, что о делах далекого прошлого мы не знаем всей правды: то, что могло бы очернить те времена, чаще всего скрывается, то же, что могло бы принести им добрую славу, возвеличивается и раздувается. Большинство историков до того ослеплено счастьем победителей, что, дабы прославить их победы, не только преувеличивает все то, что названными победителями было доблестно совершено, но также и действия их врагов разукрашивает таким образом, что всякий, кто потом родится в любой из двух стран, победившей или побежденной, будет иметь причины восхищаться тогдашними людьми и тогдашним временем и будет принужден в высшей степени прославлять их и почитать. Кроме того, поскольку люди ненавидят что-либо по причине либо страха, либо зависти, то, сталкиваясь с делами далекого прошлого, они теряют две важнейшие причины, из-за которых они могли бы их ненавидеть, ибо прошлое не может тебя обижать и у тебя нет причин ему завидовать. Иное дело события, в которых мы участвуем и которые находятся у нас перед глазами: познание открывает тебе их со всех сторон; и, познавая в них вместе с хорошим много такого, что тебе не по нутру, ты оказываешься вынужденным оценивать их много ниже событий древности даже тогда, когда, по справедливости, современность заслуживает гораздо больше славы и доброй репутации, нежели античность. Я говорю это не о произведениях искусства, которые столь ясно свидетельствуют сами за

себя, что время мало может убавить или прибавить к той славе, коей они заслуживают, — я говорю это о том, что имеет касательство к жизни и нравам людей и чему нет столь же неоспоримых свидетелей.

Итак, повторяю: невозможно не признать, что у людей имеется обыкновение хвалить прошлое и порицать настоящее. Однако нельзя утверждать, что, поступая так, люди всегда заблуждаются. Сама необходимость требует, чтобы в каких-то случаях они судили верно. Ведь, находясь в вечном движении, дела человеческие идут либо вверх, либо вниз. Бывает, что город или страна упорядочивается для гражданской жизни каким-нибудь выдающимся человеком и в известное время, благодаря его личной доблести, дела в них развиваются к лучшему. Кто, родившись в ту пору, при тогдашнем строе станет хвалить древность больше, чем современность, допустит ошибку, и причиной его ошибки будут выше рассмотренные обстоятельства. Но родившиеся после него в том же городе или стране, когда этот город или страна вступят в полосу упадка, судя так же, как он, будут судить правильно.

Размышляя о ходе дел человеческих, я прихожу к выводу, что мир всегда остается одинаковым, что в мире этом столько же дурного, сколько и хорошего, но что зло и добро перекачевывают из страны в страну. Это подтверждают имеющиеся у нас сведения о древних царствах, которые сменяли друг друга вследствие изменения нравов, а мир при этом оставался одним и тем же. Разница состояла лишь в том, что та самая доблесть, которая прежде помещалась в Ассирии, переместилась в Мидию, затем в Персию, а из нее перешла в Италию и Рим. И хотя за Римской Империей не последовало империи, которая просуществовала бы длительное время и в которой мир сохранил бы всю свою доблесть целостной, мы все-таки видим ее рассеянной среди многих наций, живущих доблестной жизнью. Пример тому дают королевство Франции, царство турок и царство султана, а ныне — народы Германии и прежде всего секта сарацинов, которая совершила многие великие подвиги и захватила значительную часть мира после того, как она сокрушила Восточную Римскую империю. Так вот, во всех этих странах, после падения римлян, и во всех этих сектах сохранялась названная доблесть, и в некоторых из них до сих пор

имеется то, к чему надобно стремиться и что следует по-настоящему восхвалять. Всякий, кто, родившись в тех краях, примется хвалить прошлые времена больше, нежели нынешние, допустит ошибку. Но тот, кто родился в Италии и в Греции и не стал в Италии французом или германцем, а в Греции — турком, имеет все основания хулить свое время и хвалить прошлое. Ибо некогда там было чем восхищаться; ныне же ничто не может искупить крайней нищеты, гнусности и позора: в странах сих не почитается религия, не соблюдаются законы и отсутствует армия; теперь они замараны всякого рода мерзостью. И пороки их тем более отвратительны, что больше всего они гнездятся в тех, кто восседает *pro tribunali*, кто командует другими и кто желает быть боготворимым.

Но вернемся к нашему рассуждению. Если, как утверждаю я, люди ошибаются, определяя, какой век лучше, нынешний или древний, ибо не знают древности столь же хорошо, как свое время, то, казалось бы, старикам не должно заблуждаться в оценках поры собственной юности и старости — ведь и то, и другое время известно им в равной мере хорошо, так как они видели его собственными глазами. Это было бы справедливо, если бы люди во все возрасты жизни имели одни и те же суждения и желания; но поскольку люди меняются скорее, чем времена, последние не могут казаться им одинаковыми, ибо в старости у людей совсем не такие желания, пристрастия и мысли, какие были у них в юности. Когда люди стареют, у них убывает сила и прибавляется ума и благоразумия. Поэтому неизбежно, что все то, что в юности казалось им сносным или даже хорошим, в старости кажется дурным и невыносимым. Однако вместо того, чтобы винить свой рассудок, они обвиняют время.

Кроме того, так как желания человеческие ненасытны и так как природа наделила человека способностью все мочь и ко всему стремиться, а фортуна позволяет ему достигать лишь немногого, то следствием сего оказывается постоянная духовная неудовлетворенность и пресыщенность людей тем, чем они владеют. Именно это заставляет их хулить современность, хвалить прошлое и жадно стремиться к будущему даже тогда, когда у них нет для этого сколько-нибудь разумного основания.

Не знаю, возможно, и я заслужил того, чтобы быть причисленным к заблуждающимся, ибо в этих моих рассуждениях я слишком хвалю времена древних римлян и ругаю наше время. Действительно, не будь царившая тогда доблесть и царствующий ныне порок яснее солнца, я вел бы себя более сдержанно, опасаясь впасть в ту самую ошибку, в которой я обвиняю других. Но так как все это очевидно для каждого, то я стану говорить смело и без обиняков все, что думаю о той и о нашей эпохе, дабы молодежь, которая прочтет сии мои писания, могла бежать от нашего времени и быть готовой подражать античности, как только фортуна предоставит ей такую возможность. Ведь обязанность порядочного человека — учить других, как сделать все то хорошее, чего сам он не сумел совершить из-за зловредности времени и фортуны. Когда окажется много людей, способных к добру, некоторые из них — те, что будут более всех любезны Небу, — смогут претворить это добро в жизнь.

Поскольку в рассуждениях предыдущей книги говорилось о решениях, принимавшихся римлянами по вопросам, касавшимся внутренних дел города, то в этой книге мы поговорим уже о том, что предпринял римский народ для расширения своей державы.

Глава II

С какими народами римлянам приходилось вести войну и как названные народы отстаивали свою свободу

Ничто так не затрудняло римлянам покорение народов соседних стран, не говоря уж о далеких землях, как любовь, которую в те времена многие народы питали к своей свободе. Они защищали ее столь упорно, что никогда не были бы поработаны, если бы не исключительная доблесть их завоевателей. Многие примеры свидетельствуют о том, каким опасностям подвергали себя тогдашние народы, дабы сохранить или вернуть утраченную свободу, как мстили они тем, кто лишал их независимости.

Уроки истории учат также, какой вред наносит народам и городам рабство. Там, где теперь имеется всего лишь одна страна, о которой можно сказать, что она обладает свободными городами, в древности во всех странах жило множество совершенно свободных народов.

В те далекие времена, о которых мы сейчас говорим, в Италии, начиная от Альп, отделяющих ныне Тоскану от Ломбардии, и до ее оконечности на юге, жило много свободных народов. Это были тосканцы, римляне, самниты и многие другие народы, населявшие остальную Италию. Нет никаких указаний на то, что в Италии тогда имелись какие-либо цари за исключением тех, что правили в Риме, да еще Порсены, царя Тосканы, род которого угас, но как и когда — история о том умалчивает. Тем не менее совершенно очевидно, что в пору, когда римляне осаждали Вейи, Тоскана была уже свободной и так радовалась свободе, до такой степени ненавидела само имя государя, что когда вейенты для своей защиты избрали в Вейях царя, а затем обратились к тосканцам за помощью против римлян, тосканцы после долгих совещаний решили не помогать вейентам, пока те будут

жить под властью царя, полагая, что нехорошо защищать родину тех, кто уже подчинил ее чужой воле.

Нетрудно понять, почему у народа возникает такая любовь к свободной жизни. Ведь опыт показывает, что города увеличивают свои владения и умножают богатства, только будучи свободными. В самом деле, диву даешься, когда подумаешь, какого величия достигли Афины в течение ста лет, после того как они освободились от тирании Писистрата. Еще больше поражает величие, достигнутое Римом, освободившимся от царей. Причину сего уразуметь несложно: великими города делает забота не о личном, а об общем благе. А общее благо принимается в расчет, бесспорно, только в республиках. Ибо все то, что имеет его своей целью, в республиках проводится в жизнь, даже если это наносит урон тому или иному частному лицу; граждане, ради которых делается сказанное благо, столь многочисленны, что общего блага можно достигнуть там вопреки немногим, интересы которых при этом ущемляются.

Обратное происходит в землях, где власть принадлежит государю. Там в большинстве случаев то, что делается для государя, наносит урон городу, а то, что делается для города, ущемляет государя. Так что когда свободную жизнь сменяет тирания, наименьшим злом, какое проистекает от этого для городов, оказывается то, что они не могут больше ни развиваться, ни умножать свою мощь и богатство. Чаше же всего и даже почти всегда они поворачивают вспять. Если по воле случая к власти и приходит доблестный тиран, который, обладая мужеством и располагая силой оружия, расширяет границы своей территории, то это идет на пользу не всей республике, а только ему одному. Тиран не может почтить ни одного из достойных и добрых граждан, над которыми он тиранствует, без того, чтобы тот тут же не попал у него под подозрение. Он не может также ни подчинять другие города тому городу, тираном которого он является, ни превращать их в его данников, ибо не в его интересах делать свой город сильным: ему выгодно держать государство раздробленным, так чтобы каждая земля и каждая область признавала лишь его своим господином. Вот почему из всех его завоеваний выгоду извлекает один только он, а никак не его родина. Кто пожелает подкрепить это мнение многими другими

доводами, пусть прочтет, что пишет Ксенофонт в трактате «О тирании». Не удивительно поэтому, что древние народы с неумолимой ненавистью преследовали тиранов и так любили свободную жизнь, что само имя свободы пользовалось у них большим почетом. Вот пример того: когда в Сиракузах погиб Гиероним, внук Гиерона Сиракузского, и весть о его смерти дошла до его войска, стоявшего неподалеку от Сиракуз, войско поначалу принялось волноваться и ополчилось против убийц Гиерони-ма, но, услышав, что в Сиракузах провозглашена свобода, отложило гнев против тираноубийц и принялось думать, как бы в означенном городе устроить свободную жизнь.

Не удивительно также, что народ жестоко мстит тем, кто отнимает у него свободу. Примеров тому достаточно, я хочу указать лишь на события, имевшие место в Керкире, греческом городе, во время Пелопоннесской войны. Тогда вся Греция разделилась на две партии, одна из которых была на стороне афинян, другая — спартанцев; следствием сего было то, что из многих городов, разделенных на партии, одни стремились к дружбе со Спартой, а другие — с Афинами. Случилось так, что когда в упомянутом городе верх одержали нобили и отняли у народа свободу, народная партия с помощью афинян собралась с силами, захватила всю знать и заперла нобилей в тюрьму, способную вместить их всех. Затем их начали выводить оттуда по восемь-десять человек зараз под предлогом отправки в изгнание и убивать, проявляя при этом большую жестокость. Проведав про то, оставшиеся в тюрьме решили по возможности избежать столь позорной смерти и, вооружившись чем попало, принялись защищать дверь в тюрьму, отбиваясь от тех, кто хотел в нее ворваться. Сбежавшийся на шум народ сломал крышу тюрьмы и похоронил заключенных в ней нобилей под ее обломками.

Потом в Греции было много других не менее ужасных и примечательных событий. Из всего этого явствует, что за похищенную свободу люди мстят более энергично, чем за ту, которую у них еще только собираются отнять.

Размышляя над тем, почему могло получиться так, что в те стародавние времена народ больше любил свободу, чем теперь, я

прихожу к выводу, что произошло это по той же самой причине, из-за которой люди сейчас менее сильны, а причина этого кроется, как мне кажется, в отличии нашего воспитания от воспитания древних, и в основе ее лежит отличие нашей религии от религии античной. Наша религия, открывая истину и указуя нам истинный путь, заставляет нас мало ценить мирскую славу. Язычники же ставили ее весьма высоко, видя именно в ней высшее благо. Поэтому в своих действиях они оказывались более жестокими. Об этом можно судить по многим установлениям и обычаям, начиная от великолепия языческих жертвоприношений и кончая скромностью наших религиозных обрядов, в которых имеется некоторая пышность, скорее излишняя, чем величая, однако не содержится ничего жестокого или мужественного. В обрядах древних не было недостатка ни в пышности, ни в величавости, но они к тому же сопровождались кровавыми и жестокими жертвоприношениями, при которых убивалось множество животных. Это были страшные зрелища, и они делали людей столь же страшными. Кроме того, античная религия причисляла к лику блаженных только людей, преисполненных мирской славы — полководцев и правителей республик. Наша же религия прославляет людей скорее смиренных и созерцательных, нежели деятельных. Она почитает высшее благо в смирении, в самоуничижении и в презрении к делам человеческим; тогда как религия античная почитала высшее благо в величии духа, в силе тела и во всем том, что делает людей чрезвычайно сильными. А если наша религия и требует от нас силы, то лишь для того, чтобы мы были в состоянии терпеть, а не для того, чтобы мы совершали мужественные деяния. Такой образ жизни сделал, по-моему, мир слабым и отдал его во власть негодяям: они могут безбоязненно распоряжаться в нем как угодно, видя, что все люди, желая попасть в рай, больше помышляют о том, как бы стерпеть побои, нежели о том, как бы за них расплатиться. И если теперь кажется, что весь мир обабился, а небо разоружилось, то причина этому, несомненно, подлая трусость тех, кто истолковывал нашу религию, имея в виду праздность, а не доблесть. Если бы они приняли во внимание то, что религия наша допускает прославление и защиту отечества, то увидели бы, что она требует от нас, чтобы мы любили и почитали родину и готовили себя к тому, чтобы быть способными встать на ее защиту. Именно из-за такого рода воспитания

и столь ложного истолкования нашей религии на свете не осталось такого же количества республик, какое было в древности, и следствием сего является то, что в народе не заметно теперь такой же любви к свободе, какая была в то время. Я полагаю также, что в огромной мере причиной тому было также и то, что Римская Империя, опираясь на свои войска и могущество, задушила все республики и всякую свободную общественную жизнь. И хотя Империя эта распалась, города, находящиеся на ее территории, за очень редким исключением, так и не сумели ни вместе встать на ноги, ни опять наладить у себя гражданский общественный строй.

Как бы там ни было, римляне в каждой, даже самой отдаленной части света встречали вооруженное сопротивление со стороны отдельных республик, которые, объединившись вместе, яростно отстаивали свою свободу. Если бы римский народ не обладал редкой и исключительной доблестью, ему никогда не удалось бы их покорить. В качестве примера достаточно, по-моему, сослаться на самнитов. Они были поразительным народом, и Тит Ливий это признает. Они были столь могущественны и обладали такой хорошей армией, что могли оказывать сопротивление римлянам вплоть до консульства Папирия Курсора, сына первого Папирия (иными словами, на протяжении сорока шести лет), и это после многих поражений, после того, как их земли не раз опустошались, а страна отдавалась на поток и разграбление. Теперь эта страна, где некогда было множество городов и жило много народа, являет вид чуть ли не пустыни; тогда же она была столь благоустроена и столь сильна, что ее не одолел бы никто, если бы не обрушившаяся на нее римская доблесть. Нетрудно уразуметь, откуда проистекала ее тогдашняя благоустроенность и что породило ее нынешнюю неблагоустроенность: тогда все в ней имело своим началом свободную жизнь, теперь же — жизнь рабскую. А все земли и страны, которые полностью свободны, как о том уже было говорено, весьма и весьма преуспевают. Население в них многочисленнее, ибо браки в них свободнее и поэтому заключаются более охотно; ведь всякий человек охотнее рождает детей, зная, что сумеет их прокормить, и не опасаясь того, что наследство у них будет отнято, а также если он уверен не только в том, что дети его вырастут свободными людьми, а не рабами, но и в том, что благодаря своей

доблести они смогут сделаться когда-нибудь первыми людьми в государстве. В таких странах богатства все время увеличиваются — и те, источником которых является земледелие, и те, которые создаются ремеслами. Ибо каждый человек в этих странах не задумываясь приумножает и приобретает блага, которыми рассчитывает затем свободно пользоваться. Следствием этого оказывается то, что все граждане, соревнуясь друг с другом, заботятся как о частных, так и об общественных интересах и что общее их благосостояние на диво растет.

Прямо противоположное происходит в странах, живущих в рабстве. Там тем меньше самых скромных благ, чем больше и тягостнее рабство. Из всех же видов рабства самым тягостным является то, в которое тебя обращает республика. Во-первых, потому, что оно самое продолжительное и не дает тебе надежды на освобождение. Во-вторых, потому, что ради собственного усиления республика стремится всех других измотать и обессилить. Никакой государь не сможет подчинить тебя себе в такой же мере, если только он не является государем — варваром, разорителем стран и разрушителем человеческих цивилизаций, наподобие восточных деспотов. Однако если государь человечен и не обладает противоестественными пороками, то в большинстве случаев он любит, как свои собственные, покорившиеся ему города и сохраняет в них все цехи и почти все старые порядки. Так что, если города эти и не могут расти и развиваться так же хорошо, как свободные, то по крайней мере они не гибнут, подобно городам, обращенным в рабство. Говоря здесь о рабстве, я имею в виду города, поработанные чужеземцем, ибо о городах, поработанных своим собственным гражданином, мною было говорено выше.

Так вот, кто примет во внимание все вышесказанное, не станет удивляться тому могуществу, каким обладали самниты, будучи свободными, и их слабости в ту пору, когда они были уже поработаны. Тит Ливий свидетельствует об этом во многих местах, особенно повествуя о войне с Ганнибалом. Там он рассказывает, как притесняемые стоявшим в Ноле легионом самниты отправили к Ганнибалу послов просить его о помощи. В своей речи послы сказали,

что самниты около ста лет сражались с римлянами силою собственных солдат и собственных полководцев, что некогда они не однажды давали отпор сразу двум консульским армиям и двум Консулам, но что теперь они впали в такое ничтожество, что лишь с огромным трудом могут защитить себя от маленького римского легиона, находящегося в Ноле.

notes

Примечания

1

«Будучи все вместе храбрыми, они стали покорными, ибо каждый боялся сам за себя» (лат.).

2

«Вскоре народ, которому не угрожало уже ни малейшей опасности, горько о нем пожалел» (лат.).

3

«Такова натура толпы: она или рабски прислуживает, или надменно властвует» (лат.).